65

Альберт Кайков

Потерянное ДЕТСТВО

Альберт Кайков

ПОТЕРЯННОЕ ДЕТСТВО

Новосибирск 2019

ББК 84(2Рос-Рус)
К15

Кайков А. С.
К - 14 **Потерянное детство**. Повесть, рассказы. 2-е изд., переработанное и дополненное.
Новосибирск: РИЦ «Новосибирск», 2019. – 176 с.

ISBN 978-5-900152-26-1

В этой книге Альберт Сергеевич Кайков о своём далёком детстве, о жизни в оккупированной немцами Анапе и послевоенном Новосибирске.

На обложке книги фотография из коллекции Бородулина, взятая из интернета.

@ Кайков А.С. , тексты, рисунки, 2019

От автора

Приближается 75 лет после окончания Великой Отечественной войны. Многие поколения детей выросли с тех пор. Детство моих сверстников выпало на трудные предвоенные и военные годы.

Осталось мало свидетелей той суровой поры нашей истории.

Моя детская память запечатлела отдельные события, которые невозможно забыть. Некоторые эпизоды я помню с двух-трёхлетнего возраста, очень многие – с пяти лет.

Главы повести очень короткие. В них я изложил только то, что сохранилось в моей памяти, без прикрас и фантазии. Перед собой я ставил цель донести до нового поколения детей кусочек истории моего детства, рассказать, как жили их сверстники в страшные годы войны.

Об авторе

Альберт Сергеевич Кайков – человек бывалый, многое повидавший на своем веку. Этим и интересна, прежде всего, его книга, в которой он ничего не сочиняет, ничего не придумывает, а описывает то, что случилось с ним в жизни.

В детстве был в оккупации под фашистами, на себе и на своих близких испытал их зверства, а после войны были годы странствий, работы, учебы.

Во Владивостоке учился в Высшем Военно-морском училище, после окончания которого, служил на кораблях Тихоокеанского Флота. Походить по морям и повидать пришлось немало. После демобилизации Альберт Сергеевич живет в Новосибирске, где получает второе высшее образование в Инженерно-строительном институте, а после работает на стройках нашего города, заполярного города Игарки.

Книга, которую Вы держите в руках – первое и серьезное издание автора, в котором скрупулёзно описывает «дела давно минувших дней», и часто получаются интересные зарисовки, особенно о природе (например, ловля рыбы, охота и др.)

Эту книгу интересно прочитать не только для развлечения, но в ней много познавательного.

Пётр Дедов,
Член Союза писателей России.

РАННЕЕ ДЕТСТВО

Ветли мотли пли

Любимой игрой детворы нашего барака были прятки. Прятаться было легко: против барака стояли поленницы из бревен длиной около двух метров выстой больше моего роста. Дрова предназначались для металлургического комбината. Через определенное расстояние в поленницах были сделаны проходы из одного ряда к другому. Ребята старше меня возрастом иногда залезали на поленницы, ложились там, и их трудно было найти. Когда голящий проходил мимо такой поленницы, игроки спрыгивали с другой стороны и бежали к кону, чтобы застукаться. Голить приходилось подолгу. По правилам, последний разыскиваемый игрок мог выручить всех, если его не застукали. Он прибегал к кону, стучал рукой и приговаривал: «Стук, стук за себя и за всех». Мне родители запретили лазить на поленницы, да и сам я побаивался. И все-таки, преодолевая страх, я поднимался по поленьям, как по лестнице, до самого верха и находил там лежащих игроков.

Все ребята были из небогатых семей и жили в бараках. Я хорошо запомнил наше первое жилище – барак был с высоким крыльцом на случай половодья. У нас была всего одна комната, разделённая печью на две половины. В одной половине стояли кровати родителей и моя, стол у окна, несколько табуретов. Во второй половине была кухня. В ней стояли большой бабушкин сундук, на котором она спала, и маленький кухонный столик. Вот и вся убогая обстановка, которая сохранилась в моей детской памяти.

Барак располагался на острове шириной километра два-три и длиной более пяти. Остров образовывали два рукава реки Сим. Местность называлась Кумысной поляной. Когда-то здесь паслись табуны лошадей. Башкиры из молока кобылиц делали кумыс, который славился на всю округу. Отец помнил те времена. Мне не удалось видеть табуны лошадей, но по его рассказам я представлял, как большой табун гонят башкиры верхом на лошадях к загону для доения кобылиц. В моём воображении все кобылицы были похожи на кобылицу из сказки Ершова «Конек-горбунок»: у них развевались гривы на ветру, из-под копыт летели комья земли, из ноздрей – огненные искры. За левым рукавом реки поднимались Уральские горы, поросшие липовым лесом, а за правым проходила железная дорога, и ютился город Аша.

Аромат цветущих лип ветер разносил на многие километры. Я до сих пор ощущаю этот запах, когда вспоминаю родные места.

Отец собирался строить собственный дом и завез короб мха для прокладки между бревнами. Мох он добывал на болоте граблями. Большая куча сырого мха лежала около нашего крыльца и походила на огромную зелёную лягушку. Я побаивался её и старался обходить подальше. Вскоре мох подсох, изменил свой цвет, и поднявшийся ветер стал раздувать его по двору. Запыхавшись, я прибежал домой и выпалил:

– Ветли мотли пли! Это означало: ветер мох раздувает.

Родные не могли меня понять. Думали, что меня кто-то обидел, и начали успокаивать. Я вырывался и повторял:

– Ветли мотли пли!

Родные не могли меня понять. Думали, что меня кто-то обидел, и начали успокаивать. Я вырывался и повторял:

– Ветли мотли пли!

Отец взял меня за руку и спросил:

– Что произошло?

Я повел его на улицу. Он ужаснулся. Куча мха заметно поубавилась. Ветер шалил, как ребенок: он подбрасывал мох, крутил его в воздухе, затем разносил по двору. Отец побежал в сарай, принес рогожу, накрыл ею уменьшившую кучу мха и придавил поленьями.

Рогожи плели из мочала. Весной с лип сдирали кору и, расщепляя ее, делали лыко для плетения лаптей и мочало для изготовления рогож и веревок. Отсюда появилась поговорка:«Лыко драть, тебя вязать».

Отец печально смотрел на остатки мха, прикидывая в уме, хватит ли его на дом или придётся ещё раз ехать на болото. Затем похвалил меня, погладил по голове и произнес:

– Ты уже большой, пора говорить правильно, беги к ребятам, с ними быстрей научишься.

В то время мне не было трёх лет. Родители уверяли меня, что этот случай я помню с их слов, но я помню и другие эпизоды из того периода моего детства, о которых родители не знали. Старшие ребята запретили мне говорить об их проделках кому-либо. Молчу до сих пор, хотя стал давно взрослым. Каждый знает, что мальчишки умеют хранить тайны.

В соседней квартире нашего барака жил дядя Ап. Он был глухонемой, очень любил детей – своих у него не было. Часто дядя Ап, возвращаясь домой с работы выпившим, включался в нашу игру в догонялки. Расставив руки, шевеля толстыми пальцами, пошатываясь, иногда спотыкаясь, бегал за ребятами, казалось, что он готов схватить любого ребёнка, Ребятня рассыпалась по сторонам. Старшие, отбежав на почтительное расстояние, кричали:

– Меня догони, меня догони!

Он никогда никого не хотел догнать – ему просто хотелось побегать с детьми. Я убегал домой, бросался на руки к бабушке и испуганно произносил:

– Дядя Ап!

Это означало, что во дворе дядя хватает детей.

Спал я в деревянной кроватке-качалке, которую изготовил отец и почти до трех лет требовал, чтобы меня качали перед сном. Родителям это надоело. Отец хотел отпилить «качалки», но я начал реветь. Тогда отец пошёл на хитрость и пригласил к нам дядю Апа. Когда тот вошел, я моментально бросился к бабушке. Дядя Ап подошёл к моей кроватке, отпилил ножовкой «качалки» и унёс их подмышкой.

Вечером я потребовал, чтобы мама меня качала. Она спокойно сказала:

– Иди к дяде Апу и попроси, чтобы он вернул «качалки».

Эта встреча мне не сулила ничего хорошего, пришлось засыпать без качания.

Бабушка Надежда Яковлевна

Отец осуществил свою мечту. С другом, дядей Мишей Бисеровым построили сначала наш дом, затем – для его семьи. На правом берегу Сима формировалась новая улица Набережная.

Река была в тридцати метрах от дома. Между домами и рекой проходила дорога, по которой утром и вечером прогоняли стадо коров, изредка проезжали на лошадях. Из окон нашего дома, на противоположном берегу реки, была видна Кумысная поляна с бараками на фоне покрытых лесом Уральских гор.

В доме стоял сосновый аромат от бревенчатых стен, было просторно и уютно. Высокое крыльцо на веранду напоминало вход в сказочный терем. С веранды был вход в сени, из которых можно было попасть в прихожую и в кладовую. Мне запомнилось, что в кладовой висели копчёные свиные окорока, стояли кадушки с квашеной капустой, ягодами и мёдом.

В доме было три комнаты и просторная кухня-столовая, с русской печью и пристроенной плитой. Я часто залезал на печь и там играл. Места было много, там могли разместиться три-четыре человека. Кирпичи были выстланы валенками и какой-то одеждой. Когда я зимой приходил с улицы, замерзший, весь в снегу, с валенками полными снега и, конечно, с мокрыми ногами, бабушка раздевала меня и заставляла лезть на печь. Замёрзшим ногам было приятно прикасаться к горячим кирпичам печи, я постепенно отогревался и засыпал. В моей памяти не сохранилось случая, чтобы я в детстве простывал и болел.

Большая комната и спальня бабушки обогревались круглой голландской печью под черной жестью. Я спал в бабушкиной спальне на своей кроватке без качалок, а она, по-прежнему, на своем сундуке. Сундук был широкий и длинный, окованный железом, с четырьмя ажурными коваными ручками.

Укладывая меня спать, бабушка рассказывала мне сказки и разные истории. Она была приветливой и мягкой, никогда не ругалась, очень меня любила. Глаза ее всегда светились добротой. Я отвечал ей взаимностью и ласково называл бабусей. Как-то я спросил:

– Бабуся, всю мебель в доме сделал папа, твой сундук тоже сделал он?

– Нет, внучек, в этом сундуке было мое приданое, когда я выходила замуж. Он напоминает мне о прежней жизни. А сделал его мой дедушка.

Мне непонятно было, что такое «приданое». Я узнал только, что оно исчезло в торгсине. Что такое «торгсин», узнал много позже: в нём меняли серебряные и золотые вещи на продукты питания.

– Расскажи мне о своей прежней жизни, – не унимался я.

– Моя прежняя жизнь не сложилась. Как-нибудь в другой раз расскажу. Спи, родной.

Я не успокаивался:

– А моя жизнь сложилась?

– Конечно, сложилась. У тебя прекрасные, любящие родители.

Засыпая, размышлял: складывают бревна, кирпичи. Как складывают жизнь, мне было непонятно.

В другой раз, перед сном, я спросил:

– Бабуся, почему у меня две бабушки, а дедушка один? Где второй дедушка?

– Я и сама не знаю. Давным-давно, когда твоей маме не было года, приехала на лошадях, запряжённых в сани, моя мама, забрала меня, завернула в лисью шубу моих детей Петю и Мусю, усадила всех в сани и умчала к себе. Я была послушной дочерью и не сопротивлялась. С тех пор я ни разу не видела твоего дедушку.

Я представил себе, как моя прабабушка во всю прыть, летит на тройке и размахивает кнутом. Комья снега летят из-под копыт лошадей во все стороны.

Только позже я узнал, что мою бабушку, Надежду Яковлевну, сосватали Зеленины за своего сына Алексея. Жених и невеста до венчания не виделись. У них родились сын и дочь. Сердце деда принадлежало другой женщине. Об этом узнала прабабушка, и на своё усмотрение решила судьбу своей дочери. Купила ей в Петропавловске дом на два входа, в котором бабушка вырастила и воспитала своих детей. Жила, сдавая одну половину дома квартирантам и за счёт умения шить…

Я помню бабушку стройной, худощавой, невысокого роста, с умными, внимательными глазами. Её длинные волосы всегда были аккуратно закручены в узел и заколоты гребнем. Спокойная, несуетливая, она успевала переделать домашнюю работу и до прихода родителей управиться со скотиной.

Интересно было смотреть, как она орудует на кухне. Истопив русскую печь, она доставала из-под печки кочергу, ухват и деревянную лопату. Длинной кочергой сгребала раскалённые угли в одну сторону, подметала гусиным крылом под – пол в топке русской печи, на котором горели дрова. Затем на деревянную лопату укладывала приготовленную из теста булку и ловким движением сажала её на под печи. Ухватом брала чугун и ставила его в печь среди углей.

Бабушка пекла очень вкусные булочки, шаньги и пирожки. К Благовещенью она всегда выпекала булочки – жаворонки, которые были похожи на птиц, глазами служили изюминки. К Пасхе стряпала куличи, красила куриные яйца.

В ожидании выпечки садилась за самовар. Самовар был старше бабушки, на его корпусе было выдавлено много медалей с указанием дат награждения завода-изготовителя. Разжигался он лучиной, через трубу опускались мелкие щепки. Если самовар «капризничал» и не разжигался, бабушка надевала на трубу папин мягкий сапог и качала им воздух, пока самовар не разгорался. На трубу самовара устанавливалась жестяная труба с коленом, которое направлялось в специальную вьюшку в печи. Чай был её слабостью: она пила чай часто и много, растягивая удовольствие. Это была привычка молодости. Я подсаживался к ней за стол. Она проводила рукой по моей голове и наливала мне чашку чая. Чай пили с медом, вареньем. Я не мог выпить больше кружки, а она наливала себе кружку за кружкой.

– Бабуся, почему ты пьешь так много? – спрашивал я.

– Это очень длинная история.

– Расскажи хоть немного.

– В дни моей молодости в Сибири не было железных дорог. Мы даже не знали о поездах. В гости к родственникам ездили только зимой на лошадях, запряжённых в сани. Летом все были заняты работой. Бывало, мчит ямщик по бескрайнему белому полю от Петропавловска до Новорыбинска. Скрипит снег под полозьями, как выстрел, в морозном воздухе раздаётся щелчок кнута ямщика. Солнце едва просматривается сквозь снежную пелену. Мороз пробирается через тулуп, шубу, куртку, платье – кажется до самого сердца.

На постоялом дворе все спешим в харчевню. Тулупы снимаем у порога. Усаживаемся за стол и заказываем чай, чтобы отогреть душу. Ямщики всегда заказывали «чай с полотенцем» – так значилось в меню. Сидят, пьют чай, полотенце перекинуто через шею, пот, каплями стекающий по лицу, периодически стирают полотенцем. Отогревшись, получив запас тепла, одеваемся и продолжаем путь. Вот так, внучек, и научилась я пить много чая.

От старых времён у бабушки, кроме сундука и самовара, сохранилась швейная ручная машинка фирмы «Зингер». Всю одежду для нас шила бабушка. Она была мастером на все руки: умела прясть, вязать носки, вышивать гладью, по канве и ришелье, плести крючком кружева. У неё были постоянные клиенты, кому она шила одежду. Я хорошо помню своё пальто на лисьем меху. Его бабушка сшила из своей шубы, о которой мне рассказывала.

Бабушка была истинно верующим человеком. В углу на кухне висела старинная икона в серебряном окладе с голубыми камнями, перед которой она по утрам и вечерам совершала молитвы. Мои родители были атеистами. В других комнатах, в том числе и в нашей с бабушкой спальне, мои родители повесить икону не разрешали: мало ли что могут сказать люди. В те времена верующих преследовали. Мама могла лишиться работы в школе.

Дедушка Фёдор и бабушка Анастасия

Дедушка Фёдор, по линии отца, жил в небольшом домике на склоне оврага, за переездом через железную дорогу. В доме была русская печь. В переднем углу висела икона, под ней божничка и лампадка. У входной двери всегда стоял бочонок с квасом. Деда часто можно было застать за чтением толстой Библии на латинском языке. Желая меня просветить, он часто говорил, когда я появлялся в его доме:

– Внук, у меня устали глаза. Почитай мне Библию.

Я усаживался за стол и начинал читать по слогам. Читать было очень трудно, слова были незнакомые, текст непонятный, и мне чтение быстро надоедало.

Дедушка был высокого роста, с усами и бородой, похожей на бороду Иисуса, изображённого на иконе. Мне он казался угрюмым и строгим. Я его побаивался. Однажды, играя в прятки, полез по крутой наружной лестнице на чердак. Открыв дверцу, не на шутку испугался. На чердаке стоял белый гроб из чисто строганных досок. С тех пор я боялся ходить к деду. Мне казалось, что из гроба в

любой момент может вылезти покойник. Дедушка приготовил гроб для себя, чтобы после кончины не причинять родным лишних хлопот.

Бабушка Анастасия была невысокого роста, полная, суетливая. На её круглом лице при появлении внуков всегда сияла радостная улыбка. Она угощала нас очень вкусным квасом. Мне запомнились и квас, и ватрушки из ржаного теста с сушёной малиной. Ватрушки казались очень сладкими.

Она любила и знала лес. В доме всегда были грибы – соленые, маринованные и сушёные, а также лесные орехи, всевозможные ягоды.

Когда мне было лет шесть – семь, бабушка спросила меня:

– Внучек, хочешь пойти со мной за грибами?

– Хочу! Хочу! – закричал я и запрыгал от радости.

Родители дали согласие, и мы отправились в дубовую рощу недалеко от дома деда. Меня поразил лес. Огромные дубы-великаны, ствол которых не обхватить одному человеку руками, росли на высоком пригорке. Их кроны смыкались где-то высоко-высоко, как мне казалось, у самого неба. Подлеска не было, в лесу было чисто, как в парке. Росла только невысокая трава. Повсюду валялись жёлуди. Я стал набивать ими карманы.

– Внучек, надо искать грибы, а не жёлуди, – сказала мне бабушка.

– Я не знаю, какие грибы.

– Погоди немного, я найду и покажу тебе.

Я ходил за бабушкой зигзагами, какими ходила она, и неожиданно услышал ее голос:

– Здравствуй, милый, дорогой! Вырос ты какой большой!

Я стал смотреть по сторонам, но не увидел, с кем бы могла разговаривать бабушка.

– Иди скорее ко мне, внучек, я покажу тебе гриб, – позвала она.

Я подбежал к ней, она продолжала разговаривать с грибом, как с живым существом:

– Здравствуй, милый мужичок, мужичок-боровичок.

Никакого мужичка перед бабушкой не было видно. Над травой возвышалась коричневая шляпа, похожая на зонтик. Под шляпой вместо мужичка была толстая ножка. Я подумал, что если на этой ножке нарисовать глаза, рот и нос, будет красивая игрушка на Новогоднюю ёлку. Бабушка сказала мне:

– Внучек, смотри, какой красавец белый гриб боровик. Вот такие грибы надо искать.

У бабушки на каждый случай были свои поговорки и прибаутки. Она не торопилась срезать гриб, наслаждалась находкой. Вела себя так, словно встретила старого знакомого, с которым ей хотелось поговорить. Её лицо сияло добротой и счастьем. Осмотрев всю траву вокруг гриба, убедившись, что рядом нет больше грибов, она перекрестилась и произнесла:

– Дай Бог добрый час на почин.

Затем присела, срезала гриб и осторожно положила в корзинку. Теперь и я находил крупные грибы, которые возвышались над травой. На мой радостный крик подходила бабушка, срезала гриб и всякий раз хвалила меня. Бабушка находила мелкие грибы, которые я, по неопытности, не мог заметить. Домой мы

вернулись с полной корзинкой грибов. Счастливый, я вынул из корзинки самый большой гриб и, показав его деду, заявил:

– Этот гриб нашёл я.

– Молодец, дай Бог, чтобы ты вырос грибником, как твоя бабушка, – похвалил дед.

Через много лет пожелание деда Фёдора оправдалось: посеянное в детстве семя выросло и пышно расцвело – я стал заядлым грибником. Часто, собирая грибы, я вспоминаю бабушку и её прибаутки.

… Совсем недавно от своего дяди Георгия я узнал судьбу деда Фёдора и его семьи. До революции он жил в деревне Романовка Бирского района Башкирии. В семье было восемь взрослых детей. Жили зажиточно: имели коней, коров, другую живность. Занимались земледелием, рабочих рук хватало на всё. В деревне была церковь, служившая центром общения и образования. При ней была сельская приходская школа, отец гордился, что закончил три класса сельской приходской школы. После революции в деревню приехали уполномоченные, провели сход и объявили, что надо ломать церковь. Большинство жителей стояли, молча, не понимая, зачем ломать церковь, кому она помешала.

Дед выступил с протестом:

– Церковь ломать не дадим! Где мы будем молиться? Пойдёмте, люди, в церковь!

Жители собрались в церкви, священник отслужил молебен. Уполномоченные уехали восвояси, не выполнив поручения.

Через несколько дней в деревню прибыл вооруженный отряд, церковь сломали, зачинщиков арестовали и отправили на Соловки. В Архангельске их застала эпидемия тифа. Люди умирали семьями, часто на улице можно было видеть трупы. Арестованных привлекли для сбора и захоронения трупов. Деда прикрепили к местному жителю, латышу Альгису. Они на телеге, запряжённой лошадью, возили трупы к месту захоронения. Вскоре Альгис заболел и скончался. Дед взял его документы, заявил, что заболел и бежал из Архангельска. Приехав в Ашу, он по чужим документам устроился работать плотником. Несколько лет жил под чужим именем. В родную деревню возвращаться было нельзя. Он боялся нового ареста. Дом и всё хозяйство было конфисковано, дети разъехались по стране.

Мой дядя Семён служил в Красной Армии. Вышло постановление Правительства о том, что семьи красноармейцев наделяются землей. Он взял справку о праве получения земли на имя своего отца. Через несколько лет, когда началась паспортизация, дед смог по этой справке получить паспорт и легализовать свою фамилию. . .

У деда Фёдора мы с братом Геной бывали часто, пока нас в детский сад водила мама, так как наш путь проходил невдалеке от его дома, стоило только перейти железную дорогу.

Брат Гена

Вскоре родители доверили мне самостоятельно ходить в детский сад и водить с собой брата.

Детский сад находился на значительном расстоянии от нашего дома, в центре города. Дорога проходила вдоль железной дороги, мимо единственного в городе переезда. На меня была возложена обязанность – следить за братом Геной. Одеты мы были, как многие дети того времени, в короткие штанишки на лямках, под рубашкой был лифчик, к которому пристегивались чулки, на ногах сандалии. Мне не было семи лет, Гена был на три года младше. Нам категорически запрещалось ходить через переезд. Первое время я водил Гену за руку. Вскоре ему это надоело, и он заявил:

– Я сам знаю дорогу.

Выдернув свою руку, он бодро зашагал впереди меня, оглядываясь, не догоняю ли я его.

Возвращаясь однажды домой, он неожиданно бросился бежать через переезд. Я с трудом догнал его, схватил за руку и строго произнёс:

– Пойдём домой.

– Не пойду!

– Куда ты собрался?

– Хочу кваса.

Я готов был заплакать от бессилия, от того, что не мог справиться с младшим братом.

Пришлось идти к деду Фёдору пить квас. Дома я всё рассказал родителям. Гену поставили в угол. Когда ему надоело стоять в углу, он начал заунывным голосом протяжно петь: «Я так делать не буду никогда, я так делать не буду никогда». Из угла его выпустили, но эта проделка повторилась.

Характер Гены проявлялся с двухлетнего возраста. Нас по утрам кормили манной кашей. Он заявил:

– Не хочу есть кашу!

– Детям надо кушать кашу, она очень полезная, – сказала мама.

В следующий момент тарелка полетела на пол и разбилась. Гене стали накладывать кашу в металлическую миску. Несколько дней прошло без фокусов. Он сообразил, что эффекта от брошенной миски не будет, поэтому надел её вместе с кашей на голову. Мне было смешно. Бабуся мягким, спокойным голосом, объясняя, что так делать нельзя, повела его переодевать и умывать.

У него был смелый, волевой, хулиганский характер. Мама говорила, что он вылитый дед Фёдор.

Наше хозяйство

Родители держали корову Пестряну, свиней, кур и гусей. Пестряна была упрямой. Она никому не позволяла себя доить, кроме мамы. Если мама забывала захватить с собой краюху хлеба, сдобренную солью, она и ей не давала молока,

пока та не сходит за хлебом. После каждой дойки мама приносила в дом полный подойник молока, процеживала его через марлю в глиняные кринки. Когда в кринках молоко закисало, бабушка ложкой снимала сметану и сбивала из неё масло. У нас была маслобойка – сосуд из бересты величиной с трёхлитровый бидон конусообразной формы. В его крышке было отверстие, через которое проходил шток, с прибитым деревянным кружком. В маслобойку заливалась сметана и, надо было беспрерывно поднимать шток и бить кружком по сметане. Это очень нудное занятие. Бывало, бабушка скажет мне:

– Алик, побей немного сметану, пока я у печи управлюсь.

Приходилось садиться около маслобойки и бесконечно бить. Всегда вздыхал с облегчением, когда бабушка сменяла меня.

Были в нашем хозяйстве и гуси. Гусыня ходила, величаво переваливаясь с ноги на ногу. Нестись начинала, когда было ещё холодно и вокруг дома лежали сугробы.

Бабушка устраивала ей гнездо на кухне, за печкой, и она охотно там неслась и высиживала потомство. Гусак был ей беззаветно предан. Во время высиживания он забирался на сугроб против окна в кухню и, заглядывая в окно, подавал гусыне сигналы. В таком случае бабушка выпускала ее погулять, а яйца прикрывала специальной подушкой. Гусак встречал гусыню поклонами и любовными речами на своём языке.

Летом гусят к реке водили строем. Впереди шла гусыня, за ней гусята, гусак замыкал шествие. Не дай Бог в это время появиться рядом кошке или собаке: гусак налетал на них с такой яростью, что они предпочитали убегать, чем с ним связываться.

Это был самый счастливый период моего детства. Всё лето пропадал с удочкой на реке. Ловил в основном пескарей, иногда попадались синявки, очень похожие на плотву, редко – небольшие голавли. Бабушка всегда с уважением принимала мой улов и жарила пескарей, хотя в доме была более достойная рыба.

Рыбалка

Отец иногда брал меня на ночную рыбалку. Какое это было счастье и удовольствие! Лодка медленно двигалась по реке, управляемая дядей Мишей, отец стоял в носу лодки с острогой в руке, перед лодкой на длинной трубе висела корзина, сплетённая из проволоки, в которой горел небольшой костер. Близлежащее пространство реки освещалось пламенем до дна. Открывался удивительный подводный мир. Среди травы, около камней и коряг можно было видеть налимов, щук, голавлей и множество мелкой рыбешки. Это было удивительное зрелище. Однажды на перекате отец увидел плывущую от лодки крупную щуку. Он поднял острогу как копьё и с силой бросил в щуку. К моему удивлению, острога пронзила рыбину, и вскоре щука оказалась в лодке.

Закончив острожить рыбу, мужчины подводили лодку к берегу против нашего дома и вытаскивали её на отмель. Отец раскладывал рыбу на траве на две равные кучки и говорил мне:

– Отвернись.

Я отворачивался, а он, показывая рукой на кучку рыбы, спрашивал:

– Кому эта кучка?

– Мне, – отвечал я без лишней скромности.

– Тогда бери ведро и складывай в него рыбу.

Я с удовольствием складывал «свою» рыбу в ведро, каждая порода имела свой запах, самый специфический был у щук. Налимы были очень скользкими, иногда я не успевал донести налима до ведра, как он выскальзывал. Приходилось одной рукой брать его под жабры, другой поддерживать, чтобы положить в ведро. Переложив добычу, шёл к реке мыть руки. От рук приятно пахло свежей рыбой. Домой я возвращался радостный и счастливый. Отец нёс ведро, а я держался за дужку, вышагивая рядом.

После этой рыбалки я смастерил из палки копьё и бросал его в цель. Мои мечты улетали в будущее: я представлял себя взрослым, стоящим в носу лодки и бросающим острогу в крупную рыбу.

В памяти сохранилась весна той поры. Сим разливался до стен нашего дома. Мне и брату запрещалось выходить за ворота. Всё пространство улицы перед домом было залито водой и запружено брёвнами. По руслу реки шёл лесосплав, многие брёвна течение выносило на затопленный берег. Чтобы мы не ушли на рыбалку – это было опасно – отец на время спрятал наши удочки. Человек, в котором сидит «микроб рыбака», всегда найдёт выход из любой ситуации. Разве можно спокойно усидеть в доме, когда под окнами вода, через окно ярко светит и греет весеннее солнце, в дом проникает аромат цветущих лип. Левее нашего дома, с брёвен, лежащих на мели, рыбачили двое парней. Иногда на их удочках блестела на солнце пойманная рыба. Не терпелось и нам с Геной порыбачить. Мы нашли выход.

Большую часть одежды для меня, брата и сестры шила бабушка. Найти нитки не представляло труда. Мама работала учительницей младших классов, и в доме всегда были стопки тетрадей, из которых мы вынули скрепки и смастерили крючки. Открыв окно, мы стали рыбачить. Наживой служил мятый хлеб. Удивлению бабушки не было предела, когда она вернулась домой из магазина, увидела на столе миску с живой рыбой. Вскоре отец сплёл из белых волос из хвоста лошади настоящие лески. Многие мальчишки завидовали, увидев мою удочку.

Однажды мне попались два небольших голавля. Клёв был хороший, но тут, как назло, закончились черви. Я поспешил домой, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге. Меня распирала восторг за удачный улов. Хотелось, чтобы все видели мою рыбу. Придя во двор, повесил кукан на воротах с внутренней стороны. Голавли были раза в три длиннее пескарей, и их хвосты опускались с кукана ниже другой рыбы. Улов надо было бы унести и отдать бабушке, но мне очень хотелось пойти с ним на реку, чтобы все рыбаки удивлялись моей удаче.

Вернувшись из огорода с червями, обнаружил, что кот полакомился голавлями: отгрыз у них нижнюю часть. Не помню, чем я был сильнее огорчён: потерей рыбы или не состоявшимся хвастовством перед ребятами и бабушкой. Для себя сделал вывод: хвастовство к хорошему не приводит.

Наши развлечения

Улица Набережная была застроена новыми домами, все ребята быстро познакомились и подружились. У нас были общие интересы. Играли в прятки, городки, лапту и бабки. Сейчас некоторые ребята могут подумать, что бабки это бабушки. А вот нет! Бабки – это кости, оставшиеся от свиных ног после варки холодца. Их ставили в ряд на определенном расстоянии и, соблюдая очередность, битой, самой тяжелой бабкой, старались сбить бабки противника. Если сбил бабку противника, она переходила в твою собственность. Если проиграл все бабки, их можно было выкупить за фантики от конфет, которые в предвоенные годы для ребят представляли большую ценность, так как конфеты были редкостью.

Ранней зимой, в выходные дни, пока лед реки не замело снегом, жители нашей улицы выходили на лед реки кататься на коньках и на санках. Отец усаживал меня на санки, привязывал их к своему поясу и бороздил на коньках лед.

Иногда по выходным дням отец ходил на охоту. Мне в эти дни разрешалось не ложиться вовремя спать, а ждать его возвращения. Он обычно приносил зайца и рябчиков. Я подолгу разглядывал дичь. Во мне боролись два чувства: жалость к убитому зайцу и радость от возможности разглядеть его, держать в руках. Иногда мечтал добыть рябчика с помощью рогатки, но для этого нужно было идти в лес, а возраст не позволял отлучаться далеко от дома.

Все ребята нашей улицы имели рогатки. Считалось неприличным быть невооруженным. Галек на реке было достаточно, чтобы ими стрелять. Мы устраивали соревнования: чья рогатка стреляет дальше, кто точнее попадет в цель.

К Новому году папа привозил из леса на лошади, запряженной в сани, елку, обычно с шишками. Начиналась длительная подготовка к Новому году. Учили стихи и песни, по вечерам с мамой делали украшения для елки: различных зверей и птиц. Сделанные из ваты игрушки обмазывали клейстером. Особенно мне нравилось выдувать яйца. Мама на скорлупе рисовала мордочки поросят, зайцев, мышей, приклеивала ножки, уши и хвосты. Под Новый год елку наряжали всей семьей. Утром под подушкой я обнаруживал подарок. Родители говорили, что его принес ночью дед Мороз. Первого января к нам приходили приятели родителей со своими детьми, и начинался праздник. Все дети по очереди рассказывали стихи, после чего разрешалось выбрать на елке любую игрушку и получить ее в качестве подарка.

Мне до сих пор памятен случай, который меня очень огорчил, и я его запомнил на всю жизнь. На следующий день, после празднования Нового года у нас, мы были в гостях у приятелей родителей Иновидовых. Меня поставили на стул, и я рассказал стихотворение.

– Теперь выбери любую игрушку на елке, – сказала хозяйка дома.

– Вот эту куклу, – показал я на деда Мороза, стоящего под елкой.

– Дед Мороз не дарится, выбери другую игрушку, – был ответ.

Я был очень расстроен, у меня потекли слезы. Я не мог понять, почему вчера у нас их девочкам дарили ими выбранные игрушки, а мое желание не выполняется. Мне подарили гнездо с птенцами, на краю которого сидела красивая птичка.

Эта игрушка долгие годы хранилась у нас и вешалась на елку. Она напоминала мне о первом детском разочаровании.

Лыжи

Своих лыж у меня не было. Родители, видимо, считали, что мне рано ходить на лыжах. Колька, живущий от нас через дом, катался на отцовских лыжах. Я уговорил его дать мне прокатиться с горы. Он кататься с горы боялся. Мы забрались по крутому склону, неся лыжи в руках. Склон был вдоль реки. Вблизи женщина полоскала белье в проруби. Лыжи были вдвое выше меня, вместо ремней были твердые кольца из лыка на взрослые валенки. Установив лыжи вдоль реки, я начал вдвигать ногу в кольцо. От толчка валенком по кольцу лыжа покатилась вниз. Мы внимательно следили за ее движением. Сначала она катилась вдоль реки, затем начала постепенно поворачивать к реке, с разгону угодила в прорубь и ушла под лед, обдав женщину брызгами и достаточно напугав.

Колька зарыдал, схватил оставшуюся лыжу и побежал домой. Его состояние передалось мне. Я побрел домой, не зная, что делать. Родители были на работе, дома была бабушка. Я не стал рассказывать ей о случившемся, залез на сеновал, зарылся в сено и стал обдумывать свою несчастную долю. Сено приятно пахло разнотравьем, покалывало мою щеку и руки. Постепенно задремал и заснул блаженным сном. Мои родители узнали о потере лыжи, разыскивали меня.

Разбудил меня голос бабушки, которая стояла около сарая и громко звала меня. В ее сопровождении проследовал в дом, ожидая нахлобучку, но был приятно удивлен: о потере лыжи разговора не было. Через несколько дней у меня появились свои лыжи.

Мои родители

Своего отца Сергея Федоровича помню предприимчивым и трудолюбивым. Он всегда был в работе. Чистил коровник и свинарник, колол дрова, носил сено на сеновал, поливал огород, ухаживал за пчелами. Несколько пчелиных семей стояли у нас в огороде. Меня пчелы кусали неоднократно. Это, видимо, побудило отца перевезти пчел на пасеку к знакомому пасечнику. Сам он ходил около ульев, снимал крышки, осматривал рамки без всяких предосторожностей. Его пчелы не трогали.

Осенью, когда кололи свиней, отец разводил во дворе костер, накалял на нем докрасна концы нескольких ломов и ими палил свиные туши. По двору разносился запах паленой щетины и аромат зажаренной кожи. Я наблюдал, как он, надев рукавицы, брал раскаленный лом и проводил им по туше против щетины. Щетина сгорала, кожа вспучивалась и поджаривалась. Ему всегда помогал дядя Миша, который большим ножом соскребал нагар с кожи. Отец любил соленое свиное сало с паленой кожей, чтобы от нее исходил особый запах.

Он всегда заготавливал несколько копченых свиных окороков. Для копчения на чердаке дома был пристроен к печной трубе «боров», в котором коптились соленые окорока.

После завершения разделки туш все шли в дом и садились за стол. У бабушки на раскаленной плите, на сковороде, шипели куски свежего мяса, вытопленное сало трещало, пузырилось, иногда брызги его попадали на плиту, от чего к приятному аромату жареного мяса примешивался запах гари. Бабушка накладывала каждому на тарелку аппетитные куски мяса, мне выбирала самые вкусные. Все с удовольствием ели свежее молодое мясо и хвалили его вкус. Дядя Миша рассуждал:

– Вкус мяса зависит не только от корма, который дают свиньям, но и от умения их колоть.

Отец с ним соглашался. Мне было немного грустно и жалко поросенка Борьку. Так у нас всегда называли маленьких кабанчиков, которые к осени вырастали в крупных Борисов. Я вспоминал Борьку живым, его розовый, подвижный пятачок, которым он рылся в корыте, выкидывая куски неразмятого картофеля и поедая картофельное пюре с отрубями.

Отец был среднего роста, крепкого телосложения, с походкой быстрой и уверенной. Голову всегда брил. Когда волосы немного отрастали, у него появлялась перхоть. Это причиняло ему неудобства и приносило лишнюю заботу. Его увлечением были охота и рыбалка. Эта страсть передалась мне. Работал мастером – строителем. Более тридцати лет был прорабом.

Мама Мария Алексеевна запомнилась мне сидящей за столом и проверяющей ученические тетради. В это время к ней нельзя было подходить и отвлекать от работы. Я всегда ждал с нетерпением вечера, когда мама перед сном будет читать мне «Сказки дядюшки Римуса», «Три поросенка», «Буратино», «Конек – Горбунок», позже сказки А. С. Пушкина и многие другие Я всегда переживал за любимых героев, жил их жизнью. Любил напевать песенку братца Кролика: «если миску уронить – разобьется миска, если близко лисий хвост, значит близко лиска».

По радио постоянно звучали передачи, что наша страна заключила мирный договор с Германией, наши западные рубежи в безопасности. На востоке у озера Хасан были разбиты японские самураи, на западе – финны. По радио часто слышались песни: «Катюша» и «По долинам и по взгорьям». Мне запомнилась мама, стоящая на стуле около высокого фикуса; протирая влажной тряпкой его листья, она напевала эти песни.

В моей детской жизни, как у медали, было две стороны: светлая сторона, которую я уже описал, и темная.

Аресты

Неожиданно для всех соседей арестовали Фалалеева. Его жена привела к нам во двор свою корову и ее поставили в сарай рядом с Пестряной. Женщина опасалась, что вслед за арестом может последовать конфискация имущества. Меня предупредили, чтобы я никому не говорил, что это не наша корова. Я об этом молчал всю жизнь. Сегодня решил рассказать, так как давно нет в живых коровы, ее хозяев Фалалеевых, а тот год давно ушел в историю. Вскоре арестовали дядю Петю, брата моей мамы. На него кто-то написал донос. В те времена, чтобы устранить человека, достаточно было написать на него анонимно клевету. Горе

моей бабушки было беспредельным. Она знала, что у него нет никакой вины, и до конца своей жизни ждала его возвращения. Мне было жаль дядю Петю, но я не понимал, что произошло и какие могут быть последствия. У меня всегда сжималось сердце от жалости к бабушке, когда я видел ее сидящей за столом, подпершей голову одной рукой и вытирающей слезы другой. Она всегда плакала, молча, слезы каплями катились по ее щекам. В таких случаях я подходил к ней, садился рядом и обнимал. Бабушка обнимала меня и прижимала мою голову к своей груди. Мы сидели, молча, нам не нужны были слова, оба понимали, что мы любим друг друга. Бабушкины слезы попадали мне на голову, она прижимала меня все сильнее и сильнее к себе, я чувствовал, что она всю свою любовь к сыну передает мне.

. Бабушка переписывалась со своей приятельницей, которая проживала в Анапе. В каждом письме ее знакомая расхваливала жизнь в Анапе и приглашала переехать нашу семью на жительство к Черному морю. Предлагала первое время пожить в ее доме, пока не купим себе дом. Она даже подыскивала нам жилье и сообщала стоимость домов. Ее доводы были убедительными: курортное место, теплое море с песчаными пляжами, обилие фруктов, теплые зимы без снега.

ТРЕВОЖНОЕ ДЕТСТВО

Анапа

Вскоре наша семья переехала в Анапу. Стояла весна, и весь город был как огромный цветущий сад – цвели фруктовые деревья в садах и во дворах. Вдоль тротуаров росли акации, во время цветения напоминали деревья, засыпанные снегом. От множества цветущих деревьев в воздухе стоял приятный аромат, напоминающий запах меда. Небо было голубым и безоблачным, поэтому казалось намного выше, чем небо с плывущими облаками над моим родным городом. Солнце жаром дышало в лицо, как пылающий рядом костёр. Воздух застыл – не было дуновения ветерка, который бы сдвинул его с места. Листья деревьев, не шелохнувшись, заснули на ветках.

Наслаждаясь красотами и теплом юга, мы не знали и не ведали, что скоро начнётся война.

Родители искали для покупки дом недалеко от моря и с большим садом. Отец часто повторял поговорку: «Не покупай хозяин дом, не узнав соседа». Наконец купили небольшой саманный домик с большим садом. В доме было две комнаты, которые разделяла печь. Полы были глинобитные, их не мыли, а периодически промазывали жидкой глиной. В саду росли яблони, деревья абрикосовые, вишнёвые, сливы чёрные и белые. Перед крыльцом росла большая шелковица, создающая тень и прохладу на крыльце дома. В саду было много места, и отец планировал построить большой дом. Он устроился работать мастером-строителем, и быстро освоил производство самана. Это небольшие блоки из глины, смешанной с рубленой соломой. В таких домах в летнюю жару прохладно,

а зимой хорошо держится тепло. Мы всей семьей обсуждали планировку будущего дома.

Нашими соседями были Старжинские. Мама быстро с ними подружилась. Мне она впервые дни после нашего переезда в новый дом сказала:

– Алик, сходи к Нине Алексеевне, попроси у неё окучник. Я буду окучивать картофель.

На Урале тяпку называли окучником. Я пришёл к соседям. Нина Алексеевна во дворе хлопотала около плиты. В Анапе почти все жители имели плиты для приготовления летом пищи во дворах, чтобы в летний зной сохранять в домах прохладу.

– Здравствуйте, Нина Алексеевна, – поздоровался я, – мама просит у вас окучник.

– Шо це таке?

– Она собирается окучивать картофель.

– Хиба це окучник, це тяпка.

Так я начал осваивать местный говор.

Мне хотелось познакомиться с городом, но боялся заблудиться. Прежде всего, обошёл по периметру квартал, в котором жил. Он представлял собой прямоугольник. Дома построены только вдоль длинной стороны прямоугольника, ширина квартала составляла два участка, смыкающихся садами. Меня удивляло, что почти все заборы выложены из плоского камня, окна домов находились так низко над тротуаром, что свободно можно было переступить через подоконник и оказаться в комнате. Вдоль тротуара росли высокие акации и шелковицы. К нашему кварталу, через дорогу, примыкала Морская школа, на территории которой стояли четырёхэтажные здания. Позже я узнал, что за Морской школой был аэродром. С улицы Черноморская был вход на территорию Морской школы, у которого стоял краснофлотец с винтовкой. На следующий день я решил изучить улицу Черноморская, пройдя её от нашего дома до конца. Меня интересовало, что там находится. Я шёл неторопливо, рассматривая дома, останавливаясь на перекрёстках. Прошёл мимо детского дома, мимо винного завода. Через высокие заборы, ограждающие эти объекты, рассмотреть что-нибудь не удалось. Улицы были прямолинейны и просматривались настолько, насколько позволяло зрение. Кварталы напоминали ученическую тетрадь в клеточку. Был полдень, ярко светило солнце, заливая своими лучами дома, сады за заборами и редких прохожих. От стен каменных домов и от тротуара, выложенного бетонной рифлёной плиткой, потоком струилось тепло. Воздух был насыщен терпкими ароматами садов, пыли и моря. Мне он казался непривычно густым. Возле центра города был широкий и глубокий ров, отделяющий старинную часть от новой застройки. Ров назывался «турецким», вырыт он был как оборонительное сооружение в отдалённые времена. Перейдя ров по дамбе, я оказался в центральной части города. Дома здесь были каменные, двухэтажные, а улицы тянулись параллельно береговой линии моря. Свернув на улицу Пушкинская, я оказался в торговом и деловом районе. Здесь было многолюдно: люди входили и выходили из магазинов, многие, как я, были просто гуляющими; прилегающий к улице парк был заполнен отдыхающими. Они сидели на лавочках, стояли у фонтанов, бродили парами. Мне не хотелось оказать-

ся в людской толчее, и я пошёл по улице в противоположную сторону. Здесь была курортная часть города. Вдоль улицы стояли красивые здания санаториев и домов отдыха с широкими, высокими крыльцами, колоннами, портиками. Мне они казались величественными дворцами. Территории были ограждены высокими заборами из ажурных металлических решёток и простирались до морского побережья. За одним забором я увидел скульптуру женщины с веслом в руке. Она была белой, как мамин школьный мел. Мне показалось неестественным, что под палящим солнцем стоит белая фигура. За оградой следующего санатория играли дети. Здесь тоже стояли скульптуры. Моё внимание привлекли скульптуры пионеров: один пионер держал в руке горн, второй отдавал салют. Мне захотелось побегать и поиграть с ребятами. Прикинув высоту забора, понял, что мне через него не перелезть, попробовал раздвинуть прутья решётки, но из этого ничего не вышло.

Дорога привела меня на морское побережье, на мысу которого стоял маяк. Море было спокойным, его голубая поверхность, как зеркало, отражала солнечные лучи. Я приложил ладонь ко лбу, защищаясь от солнца и стал вглядываться вдаль. По морю шёл пароход, маяк периодически подмигивал ему. В голове возникало много вопросов: почему море называют Черным? До самого горизонта, оно было голубым. Почему маяк мигает днём? Его прекрасно видно без проблесков огонька. Я чувствовал себя путешественником, который открыл новый мир. До Анапы я знал только один город – Аша, в котором дома были деревянными, многие тротуары из досок. Здесь же я увидел каменные и саманные дома, бетонные тротуары, фруктовые сады, а главное – море. Мне захотелось в море, на идущий вдали пароход, чтобы побывать в других городах и странах. Возможно, в тот момент у меня подсознательно родилось желание стать моряком.

Первые знакомства

Знакомство с ребятами из соседних домов состоялось необычно. Выйдя на улицу, я заметил на дороге стаю голубей. Они были похожи на рябчиков. Во мне закипела страсть охотника. Подобрав камень, стал подкрадываться. Подойдя на доступное для броска расстояние, запустил камень. К счастью, промахнулся. Эту сцену видела соседка Нина Алексеевна, она выскочила за калитку и стала кричать на всю улицу:

– Шо ты робишь, бисовый ребенок! Хиба можно пулять булыги в голубей?

Я не все слова понял из её речи, но уяснил, что допустил ошибку. На следующий день меня на улице встретил хозяин голубей. Он был выше ростом и крепче меня. Длинный нос торчал, как пика, впереди лица; волосы, давно не стриженные, напоминали кучу мха, глаза блестели не добро, губы сжаты.

Некоторое время мы стояли, молча, изучая друг друга. Он был босиком, без рубашки, в длинных широких брюках до пят, видимо, доставшихся ему от старшего брата. На мне была рубашка с короткими рукавами, короткие штанишки на лямках, на ногах сандалии. Родители боялись, что я без привычки могу сжечь на солнце спину или поранить ногу.

– Зачем кидал камни в голубей? – наконец промолвил он.

– Я думал, что они дикие.

– Получай, чтобы больше не думал, – и он начал меня бутузить. Удары попадали по лицу. От неожиданности я не смог оказать сопротивления.

– На улицу больше не выходи, ещё получишь, – сказал он, удаляясь через дорогу к себе домой.

Я вернулся домой с синяками на лице, но решил о ссоре не рассказывать. Это уже успела сделать Нина Алексеевна. Меня не устраивала перспектива запрета не выходить на улицу. На улице я появился на следующий день с рогаткой в руке и кусочками битого чугуна в кармане. Увидев меня, мой обидчик направился в мою сторону со словами:

– Я тебе что сказал? Сейчас ещё получишь!

Натянув рогатку, я предупредил:

– Не подходи, а то плохо будет!

– Сейчас посмотрим, кому будет плохо, – сжав кулаки, он шёл ко мне.

Чугунина угодила ему под глаз, глаз опух. Испугавшись, что выбит глаз, он с воем побежал домой. С тех пор соседи стали считать меня «фулиганом». Мама сходила к родителям драчуна, обе мамы провели воспитательную работу с сыновьями. Мы ссориться перестали, но долгое время дружбы не было. Он часто смотрел хмуро. Подружились с ним после следующего случая. Мы рыбачили со скал, его леску бычок затащил под камни. Вытаскивая леску, он оторвал крючок. У меня всегда с собой был запасной, и я подал ему. С удивлением в глазах он взял его, привязал к леске и стал рыбачить. Ещё больше удивились он и все присутствующие, когда у пойманного им бычка из губы торчали два крючка: мой и ранее оторванный.

– У тебя счастливый крючок, – сказал он, протягивая его.

– Возьми себе на память…

У меня был трёхколёсный велосипед. Ездить на нём было неудобно: мои колени упирались в руль, когда я ставил ноги на педали. Приходилось колени разводить шире руля. Стоило мне проехать по улице, как ко мне подходили сверстники, прося дать прокатиться. Так состоялось знакомство. Во время игр узнал их имена. Они были странными: Хена, Вита, Жинда. Осенью мы пошли учиться в первый класс, и я узнал их настоящие имена. Это были Гена Старжинский, Витя Кучеренко и Женя Коноваленко.

Основными играми ребят нашей улицы были лапта, городки, казаки- разбойники и чехарда. К игре в лапту иногда подключались ребята старшего возраста. Часто играли улица на улицу. В играх строго соблюдались установленные правила. Жульничество пресекалось разными способами: не принимали играть в следующий раз или катали на палках. Однажды Хелун, собирая выбитые им городки, один из них, лежащий на черте, сдвинул за черту квадрата, вместо того чтобы по правилам поставить на попа. Это было замечено, и мы приняли решение: катать его на палках. Хелун бросился бежать, мы – за ним. Вита быстро догнал его, так как бегал быстрее всех нас. Между ними завязалась потасовка. Вита схватил Хелуна за руку, тот отбивался одной рукой и ногами. Подоспев, Хена и Жинда ухватили его вторую руку. Хелун извивался и отбивался ногами. Тогда мы повалили его на землю и крепко схватили за руки и ноги. Хелун понял, что сопротивляться нет смысла, перестал дергаться и произнес:

– Отпустите меня! Изваляете всего в пыли!

Его просьба плаксивым голосом не возымела действия.

– Сам пойдёшь к палкам или тащить тебя по пыльной дороге? – спросил Вита.

– Сам пойду, – смирившись со своей участью, произнес виновник потасовки.

Держа его за руки, мы подошли к месту нашей игры, разложили палки вдоль дороги, в пыль, уложили Хелуна спиной на палки и, держа его за руки и ноги, со смехом прокатили по ним.

Процедура не столь болезненная, сколько позорная. Хелун сдался, поняв, что сопротивление только усугубляло неприятные ощущения. После экзекуции виновного долго преследовали шутки и насмешки.

Хелун несколько дней не появлялся на нашей улице. Мне было его жаль, хотя в душе понимал, что любое жульничество должно быть наказано.

По соседству с нашим домом жил Хена. Наши дворы разделял невысокий каменный забор, через который мы видели друг друга. Он был смуглым, с плоским лицом, на котором выступал вздёрнутый носик. Главной примечательностью Хены был чуб торчащий вихром. Короткая чёлка с правой стороны спускалась на лоб, а с левой торчала вверх. Этот вихор придавал ему задиристый вид.

Такая же причёска была у меня однажды при следующих обстоятельствах: мне хотелось посмотреть, как мама доит Пестряну, и она взяла меня с собой на дойку, попросила подержать краюху хлеба, села на скамеечку, обмыла вымя Пестряны тёплой водой, обтёрла полотенцем и сказала: «Отдай хлеб Пестряне». Корова с удовольствием жевала хлеб, сдобренный солью, и неожиданно лизнула мой лоб в знак благодарности. Когда я пришёл домой, папа, улыбаясь, сказал: «Посмотри в зеркало, какая у тебя прическа». Волосы у лба торчали вверх. Бабушка умыла меня и причесала.

Хена очень ловко залезал на деревья, его часто можно было видеть сидящим на ветках и лакомившимся абрикосами. Я завидовал его умению и стал учиться взбираться на деревья в нашем саду. Босые ноги позволяли легко вскарабкаться до первой ветки, затем усесться в развилку толстых ветвей и, осматривая улицу, поедать вишни или абрикосы. Это умение очень пригодилась, когда мы стали ходить в совхозные сады на сбор черешни.

Жинда жил в конце нашего квартала, на противоположной стороне улицы Гоголя. С шоколадным загаром, с приятным лицом, голубыми внимательными глазами он был спокойным и выдержанным. Никогда не задирался и не вступал первым в драку. В играх был принципиальным и пресекал любое жульничество.

В Анапе было принято всем давать прозвища. Меня моментально окрестили Булькой за толстые щеки, а брата Гену – Цыбулькой за вечно шелушащийся под южным солнцем нос. На прозвища никто не обижался. Даже родители порой своих детей называли по прозвищу. Бывало, наша соседка Нина Алексеевна выйдет за калитку, и на всю улицу громогласно кричит:

– Хе – на! Хе – на! Или –Ве – рун! Ве – рун!

Слышно было за несколько кварталов. Такие прозвища были её сыновей Гены и Вовы. Со мной произошёл курьёзный случай. Многих ребят по именам я не знал. Называл их, как все, – по прозвищу. Подошёл к дому приятеля, с которым

накануне договорились пойти купаться, и начал вызывать его по прозвищу: Хелун, Хелун! Из дома выскочила его мать с веником в руке, подбежала к калитке и, открыв ее, начала меня хлестать веником. Ей прозвище сына казалось обидным. Я растерялся, не поняв, в чём дело. Удары сыпались на голову, плечи, спину. Убежав от разгневанной женщины, я старался в дальнейшем не проходить мимо её дома.

Учусь плавать

До переезда в Анапу я не умел плавать. Родители отпускали меня купаться с ребятами при условии, что я не буду заходить на глубину. Я бултыхался у берега, пытался плавать, опираясь руками о дно, завидовал Жинде и Хене, которые заплывали на глубину. Жинда предложил мне учиться плавать с помощью наволочки. На следующий день я взял с собой наволочку. Жинда намочил её, ловко ударил о воду, чтобы она надулась, и завязал узлом, чтобы воздух не выходил. Надутая наволочка удерживала меня на плаву. Держась одной рукой за узел, я плавал вдоль берега, загребая свободной рукой и работая ногами. Через несколько дней мне надоело плавать у берега, и я заплыл на глубину. Появилось приятное ощущение невесомости. Держась рукой за узел, можно было спокойно висеть в воде. Раскалённое солнце приятно грело мокрую голову, море легонько покачивало меня, казалось, что покачиваюсь не я, а высокий берег. Мне захотелось взять наволочку в зубы и плавать с помощью обеих рук. Я взял в зубы угол наволочки. Стоило мне только выпустить из руки узел, как под тяжестью моего веса наволочка порвалась, и воздух вышел. На мгновение я испугался: берег был далеко, рядом со мной – никого. Работая руками и ногами, понял, что могу держаться на плаву. Не выпуская наволочку, доплыл до берега. Я испытывал испуг от сознания, что мог утонуть, но чувство радости пересиливало его. Я научился плавать! После этого случая я прекрасно плавал и не боялся любой глубины. Очень любил купаться при небольшом волнении моря. Под приближающуюся волну можно было поднырнуть и ждать приближения следующей, чтобы, оттолкнуться ногами от дна и на ее гребне прокатиться в сторону берега.

Соседка Нина Алексеевна часто забегала к маме, чтобы посудачить, поближе познакомиться с новыми соседями. Однажды я услышал их разговор, из которого узнал, что в Анапе людей косили, как косой, что в ту пору отец Виты сгинул. Я не всё понял из их разговора, но Виту мне стало жаль. У всех моих новых приятелей были отцы, а у него не было.

Мороженое

Отец подобрал во дворе место, где можно было поместить опалубку для изготовления саманных блоков и «точек» для перемешивания глины и рубленой соломы. Мне он сказал, что глину принято месить ногами, и мне придется потопать вместе с ним. Я поделился со своими друзьями этой новостью. Им захотелось принять участие в топтании глины. Вита считал, что ходить босыми ногами по

мокрой глине – большое удовольствие: вымазанные глиной ноги кажутся одетыми в носки, их можно не мыть, а щеголять по улице, пока глина не засохнет и не отвалится. Мы толпой пришли к нам во двор и стали знакомиться с местом производства саманных блоков. Я, подражая папе, показывал ребятам, где из досок будет сбита опалубка, где будет место для перемешивания глины и где будет построен новый дом.

– Это что за комиссия обследует наш двор? – спросил отец, выходя из дома.

– Мы тоже хотим месить глину, – сказал Хена.

– Прекрасно, значит, у меня будет хорошая бригада.

– Мы ещё Жинду позовем, – сказал Вита.

– Поскольку бригада создана, получите аванс и купите себе мороженого, – сказал отец и протянул мне деньги.

Радостные и довольные, мы побежали покупать мороженое. Его продавали только в центре, на улице Пушкинская. Идти далековато, зато было много времени в предвкушение предстоящего удовольствия. Найдя лоточницу с мороженым, стоящую в тени огромной акации, мы заняли очередь. Около нас стояли дети и взрослые, держа мороженое двумя пальцами, и лизали его между двух вафель.

Мороженое привозили во флягах. Продавец укладывал в форму круглую вафлю, на неё ложкой накладывал мороженое, сверху накрывал второй вафлей и штоком выдавливал готовую порцию.

Когда подошла наша очередь, первым получил мороженое Хена, вторым – Вита. У Виты мороженое оказалось вдвое тоньше, чем у Хены. Вита возмутился:

– Почему у меня мороженое такое тонкое?

– Дай его сюда! – сказала продавщица таким голосом, словно Вита был виновен в этом.

Она положила его в форму, добавила ложкой мороженого, ловким движением накрыла вафлей, выдавила штоком и подала Вите порцию толще, чем у Хены. Возвращаясь домой, мы удивлялись, как получаются порции разной толщины.

До войны я успел закончить первый класс. Читать и считать до школы меня научила мама. Самым трудным и нелюбимым предметом было чистописание. Первым заданием было написать палочки в тетради в косую линейку. У меня палочки были кривыми и косыми, не всегда попадали на линейки. Когда мама увидела выполненное мной школьное задание, она ужаснулась.

– Алик, ты, наверное, спешишь к друзьям, – сказала она, – вот тебе чистая тетрадь, напиши три строчки палочек. Пока не научишься писать палочки, на улицу не пойдёшь.

Я написал три строчки палочек, но они были не лучше первых. Мама, посмотрев на них, сказала:

– Продолжай писать до конца страницы.

В тот день я так и не научился писать палочки, как хотелось маме. Дела мои пошли ещё хуже, когда Матильда Яковлевна, так звали мою первую учительницу, дала задание писать палочки с крючками. Писать надо было чернилами, соблюдая тонкие и толстые линии. Часто при нажатии пера стекала капля и на странице

появлялась клякса. Я даже сейчас с содроганием вспоминаю занятия по чистописанию.

Война

Война началась 22 июня 1941 года, неожиданно, ночной бомбежкой города. Утром мы узнали, что в центре разрушено много зданий, есть убитые и раненые. По радио сообщили, что немцы, не объявляя войны, напали на Советский Союз; на западной границе нашей страны идут ожсточённые бои. Соседи собирались в кучку на улице, – и обсуждали эту страшную новость, а мы, ребята, старались находиться поблизости, чтобы слышать разговоры старших. Все сходились во мнении, что война долго не продлится. Вскоре началась мобилизация военнообязанного населения. Папа, как многие мужчины города, ушёл на фронт. Новый дом остался в мечтах, мне не удалось топтать саманное месиво. Светлая сторона детства закончилась в девять лет.

На руках у мамы осталось трое детей и бабушка. Часть мужской работы мне пришлось взять на себя. Ходить за питьевой водой к колодцу, который находился посредине нашего квартала, входило в мои обязанности. Мама просила меня носить по половине ведра, но я всегда набирал по полному ведру и нёс его, изгибаясь набок. Ведро иногда ударялось о ногу, и вода расплескивалась, обливая мои босые ноги, к которым моментально прилипала пыль. В Анапе очень тёплые зимы. Я ни разу не видел снега. Зима была сырая, с пронизывающим ветром. Я всегда вспоминал снежные зимы на Урале. Мне хотелось одеться теплее и покататься на лыжах. В качестве топлива обычно использовали стебли кукурузы, камыш, отходы маслобойного производства. Для отопления дома мама привезла несколько мешков шелухи подсолнечных семечек и большие глыбы каменного угля. Мне приходилось каждый день отбивать обухом топора кусочки угля и приносить в дом.

Однажды, подойдя к колодцу, я услышал шум над головой. Посмотрев в небо, увидел над собой немецкий бомбардировщик с чёрными крестами на крыльях. Летел он очень низко, и мне показался застывшим на одном месте. Внезапно из него посыпались бомбы. Издавая страшный вой, они летели на меня. Я не знал, что они по инерции долетят до Морской школы, которая находилась в сотне метров от колодца. Страшно испугавшись, бросился под забор и улёгся на колючки и крапиву, выбирать место не было времени. Мои действия не были инстинктивными: по радио постоянно проводился инструктаж с жителями, как себя вести в случае налёта вражеской авиации. Моё сердце замирало в ожидании падения бомб и своей смерти. К моему удивлению, бомбы разрывались на территории Морской школы, подо мной только тряслась земля. Когда закончилась бомбёжка, я набрал в ведро воды и пошёл домой. Мои руки и ноги дрожали, а сердце учащённо билось. В памяти, как фотография, сохранился самолет с чёрными крестами на фоне чистого голубого неба.

В магазинах начались перебои с хлебом. Мне приходилось подолгу стоять в очередях. До сих пор помню цены на хлеб. Тёмный стоил девяносто копеек, а

самый белый – два рубля семьдесят копеек. Как-то выстоял я длинную очередь, и передо мной хлеб закончился. На прилавке оставалось несколько обрезков белого хлеба. В то время хлеб продавали на вес. Продавщица спросила:

– Мальчик, будешь покупать обрезки?

Я молчал, обдумывая: брать или не брать. Бабушка велела купить хлеб по девяносто копеек. В это время женщина, стоящая за мной, сказала:

– Я возьму обрезки.

Продавщица взвесила ей обрезки. Я вернулся домой без хлеба. Рассказал об этом эпизоде бабушке. Она погладила меня по голове и сказала:

– Не переживай, будем есть борщ с мамалыгой. Впредь будешь умнее.

Впервые мы обедали без хлеба. Я осознал свою оплошность и запомнил её на всю жизнь. Мамалыга – это густая каша из кукурузной муки. Когда её кусок держишь в руке, она дрожит, как студень.

Недалеко от нашего дома, на соседней улице, находилась Морская школа, где готовили моряков для Черноморского флота.

Фашисты с первых дней войны методично, по ночам, бомбили этот объект. Первоначально мы с интересом наблюдали за ночным небом, по которому шарили лучи прожекторов. Иногда в пересечение лучей попадал вражеский самолет, тогда начинали стрелять зенитные орудия. Когда сбивали немецкий самолёт, лучи прожекторов сопровождали его до места падения. Ликовали все. Утром спешили посмотреть на сбитый вражеский самолет.

Вскоре интенсивность бомбежек увеличилась: бомбы часто падали на жилые дома. Начались бесконечные похороны мирных жителей. По городу были вырыты бомбоубежища. В саду соседей, через дорогу, было построено общественное бомбоубежище. При объявлении воздушной тревоги все соседи собирались в нём. Женщины тихо переговаривались, их тревожные разговоры бередили души ребят. Все мои друзья сильно изменились, у всех появились новые обязанности, о прежних играх не возникало и речи.

Однажды бомбы упали вблизи бомбоубежища. Когда стихла стрельба зенитных орудий, дядя Коля, не дожидаясь отбоя воздушной тревоги, вышел из укрытия, чтобы посмотреть, целы ли стекла на веранде его дома. В это время против дома разорвалась бомба, и осколком дядя Коля был убит. Утром все соседи собрались в его доме. Пол веранды, залитый кровью, где осколок сразил дядю Колю, был вымазан карболкой. Я до сих пор не могу переносить этот запах – он напоминает мне смерть.

Бегать каждую ночь в бомбоубежище через дорогу было неудобно, и мы с мамой вырыли в саду траншею глубиной метра два, накрыли досками и засыпали землей. В доме, в углу, лежали узлы с вещами, которые мы брали с собой в бомбоубежище, чтобы не остаться раздетыми в случае попадания бомбы в наш дом. Налеты повторялись каждую ночь. О приближении немецких самолётов жителей по радио предупреждал диктор: «Граждане, в городе объявлена воздушная тревога, всем необходимо укрыться в бомбоубежищах и траншеях». Свет зажигать во время воздушной тревоги запрещалось. Мама будила нас, в темноте одевала Нину и Гену, мне давала в руки узел с вещами, и мы бежали в бомбоубежище. Каждый раз, когда бомбы разрывались недалеко от нашего убежища,

моё сердце сжималось от страха. Я вспоминал о карболке в доме дяди Коли. Если бомба попадёт в наше укрытие, его зальют карболкой. Мама велела нам раскрыть рты: считалось, что так можно не оглохнуть. Бабушка, сидя на узле, крестилась и молилась, прося Бога спасти нас и сохранить. При разрывах бомб земля осыпалась со стен убежища, попадала за воротник рубашки, и это усиливало страх. Домой мы возвращались утром. Окна дома представляли жалкое зрелище: стекла были разбиты воздушной волной, их осколки качались на приклеенных полосках бумаги и тряпиц. Все жители приклеивали на рамы и стёкла, крест-накрест полоски бумаги, которые удерживали разбитые стёкла, чтобы они не разлетались по комнате. Со временем окна нашего дома забили фанерой и досками.

Мне памятен такой случай. Мама была на работе, бабушка оставила со мной брата и сестру, а сама ушла в поликлинику. После её ухода была объявлена воздушная тревога – фашистские самолёты бомбили город. Мама прибежала домой, нас застала в бомбоубежище, бабушки дома не было. Она поспешила в поликлинику. Поликлиника и близлежащие жилые дома были разрушены, оказалось много погибших и раненых, слышались стоны и плач. Работники поликлиники, оставшиеся в живых, оказывали пострадавшим помощь. Бабушку мама нашла в кювете контуженной. Этот случай окончательно убедил её в том, что детей и бабушку надо увозить из города.

Прошло много лет, но события той поры постоянно тревожат мою память.

Варваровка

Мама в то время работала в районном отделе народного образования и попросила, чтобы её перевели работать в село Варваровку, где была вакансия учителя в школе.

Варваровка находилась в двенадцати километрах от Анапы. Село раскинулось по берегам небольшой речки, правый берег её переходил в склон Кавказских гор, на котором росли виноградники, выше начинался густой лес. На левом берегу реки виднелись бескрайние поля, засеянные пшеницей. Добрались мы в село на подводе. Нас встретил председатель колхоза, предоставил жильё. Это был энергичный молодой мужчина. Все его уважительно звали Кузьмич. Позже, когда я посмотрел фильм «Кубанские казаки», мне показалось, что Кузьмич был похож на главного героя фильма. Да и вся жизнь в колхозе очень напоминала жизнь, отображённую в фильме. Его жена, Тамара Ивановна была директором школы. У них были две дочки, младшая – моя ровесница, мы учились в одном классе. В школе было четыре класса. Каждая учительница вела по два класса.

В мамином классе, в левом ряду, сидели четвероклассники, а в правом – второклассники. Мама была доброй, но требовательной учительницей. Кроме школьных уроков, организовывала различные мероприятия. Мне памятен сбор посылки для детей, эвакуированных с Украины в Сибирь. Коробка была заполнена тетрадями, карандашами, ручками, перьями для ручек, учебниками и чернильни-

цами-непроливашками. Всё это было куплено в единственном сельском магазине. Всем классом ходили на почту отправлять посылку.

В селе было тихо, текла спокойная жизнь, но постоянно слышались разрывы бомб из Анапы и Новороссийска.

В одну из ночей покой в селе был нарушен двумя сильными взрывами на склоне отдалённой горы. Взрывы были такой силы, что в домах тряслись стены и дребезжали стёкла. Утром, отправляясь с ребятами за травой для коз, я узнал, что с фашистских самолётов были сброшены бомбы. Козы очень любили траву, которую мы называли березкой. Трава вилась длинными плетьми по склону холма, образуя сплошной ковер. Её цветы напоминали рупор патефона. Срезать её было очень легко. Серпом делался надрез по зелёному ковру, затем, подрезая корни серпом, траву скатывали в рулон и укладывали в мешок. Накормив коз свежей травой, мы гурьбой отправились смотреть место падения бомб. На крутом склоне горы, поросшем лесом, уже была проложена тропа. Первопроходцы прокладывали её с топорами в руках. Нам навстречу попадались селяне, уже побывавшие у места падения бомб. Добравшись, мы увидели огромную воронку глубиной несколько метров. По бокам воронки торчали огромные камни. Мне приходилось видеть воронки от бомб на улице в Анапе. Они были глубиной чуть больше метра. Здесь глубина была такова, что я побоялся спускаться в неё. Вокруг на несколько метров лес был срезан осколками бомбы и выброшенными из воронки камнями. Дальше лес был повален взрывной волной. Я взял с собой осколок бомбы. Он представлял собой кусок металла толщиной около сантиметра с острыми рваными краями. Много лет спустя, вспоминая эту воронку, я мог представить себе, какие разрушения наносили такие бомбы Новороссийску, который немцы постоянно бомбили, но полностью захватить не смогли. Сопротивление на цементных заводах продолжалось до освобождения города нашими войсками.

В лесу было много крупных черепах. Одна была такой величины, что Леша, мой сосед по дому, захотел на ней прокатиться. Он сел на неё и поджал ноги. Черепаха не хотела его везти, спрятала в панцирь голову, ноги и спокойно ожидала, когда её оставят в покое.

Вспоминая этот эпизод, я думаю: почему немецкий бомбардировщик не сбросил бомбы на село? Вероятно, самолёт был подбит нашими зенитными батареями и не смог долететь до Новороссийска, для бомбежки которого предназначались эти бомбы.

Наступили летние каникулы. Я закончил второй класс. Интересы и занятия сельских ребят отличались от занятий городских ребят. Весной и летом мы ходили на виноградники собирать жуков-вредителей. Жуки были очень похожи на слонов, которых я видел в зоопарке в Москве. У них был длинный хобот, голова и корпус, как у слона, только в миниатюре, и цепкие ноги. Жуков мы складывали в бутылки, затем несли в ветеринарную лечебницу, где ветеринар записывал в журнал, сколько каждый из нас их собрал. За двести пятьдесят собранных жуков начислялся один трудодень. Осенью мы собирали колоски на колхозных полях. За эту работу, как и за жуков, нам начисляли трудодни. Я заработал десять трудодней и получил банку меда. Это был мой первый заработок для семьи.

Сельских ребят с раннего детства жизнь приучала к труду. В их обязанность входило пасти коз или ходить для них за травой. Вскоре мама купила двух коз, и я был принят в большую компанию пастухов. От них я научился копать корни солодки, которые можно было сосать (они сладкие), находить съедобные луковицы неизвестных мне растений и многому другому. В период уборки хлебов очень нравилось наблюдать за работой молотилки. Она казалась огромным зверем, издающим рокот, в пасть-бункер которого женщины вилами бросали снопы, освободив их предварительно от перевясла – жгута, скрученного из стеблей пшеницы. Этот «зверь» моментально их поедал, выдавая с противоположной стороны солому, а сбоку сыпал зерно в подставленные мешки. Снопы привозили на длинных высоких телегах, которые назывались арбами.

До села дошли слухи, что немцы заняли Анапу. Всё мужское население села ушло в партизаны. Колхоз был зажиточным, имел свой винный завод, свою маслобойню. Перед уходом Кузьмич раздал колхозное продовольствие населению, нам досталось два мешка кукурузы, бутыль подсолнечного масла и бутыль вина – рислинг. Бабушка расходовала эти продукты очень экономно, и нам удалось прожить на них целый год.

Оккупация

Румыны заняли село без единого выстрела. Автотранспорта у них не было – приехали на множестве телег. С населением вели себя миролюбиво, но были очень вороватыми. Любую вещь, которая им понравилась, уносили в свои телеги. Складывалось впечатление, что обоз пришёл в село, чтобы поживиться скромным имуществом колхозников. Вскоре в их полевом котле исчезли наши козы. Мы лишились молока, которое было хорошим подспорьем к нашему скудному рациону. Как-то утром к нам зашли румынский офицер и солдат. Офицер на ломаном русском языке спросил бабушку:

– Матка, курка есть?

– Нету, где им взяться, – ответила бабушка.

В это время в сарае закукарекал петух. Офицер обругал бабушку на своём языке и отправился в сарай. Солдат стал ловить кур и засовывать в приготовленный мешок. Куры взлетали на стропила кровли, он сбивал их палкой. Спастись удалось одной маленькой рыжей курочке: она спряталась за досками, лежащими на стяжке стропил. Бабушка долго сокрушалась, что пожалела петуха и не сварила его детям.

С активизацией партизан в селе появились каратели. Они догадывались о связях населения с партизанами. Устраивали облавы. Однажды рано утром, при очередной облаве, в доме Кузьмича обнаружили дымящийся окурок. Этого было достаточно, чтобы Тамару Ивановну вместе с дочерьми расстрелять. Смотреть на расстрел семьи Кузьмича выгнали всё население села. Офицер на ломаном русском языке объявил: «Так будет с каждым за помощь партизанам». Мама попросила меня закрыть глаза. Автоматная очередь ранила мою душу: раны не зарубцева-

лись до сих пор. Перед глазами часто возникают девочки в лёгких платьях и их мама перед расстрелом.

– Родственники у расстрелянных есть? – спросил офицер тоном, по которому можно было понять, что он хочет расстрелять и их. Родственников у Тамары Ивановны не было. Все разошлись. Ночью односельчане похоронили погибших.

Возвращение в Анапу

.

Мама забеспокоилась, она часто бывала у Тамары Ивановны и виделась с Кузьмичом. Её могли заподозрить в связях с партизанами. Мы решили бежать в Анапу, в наш дом.

Свой скромный скарб погрузили на телегу, на самый низ положили мешки с кукурузой, бутыли с маслом и вином. Всё тщательно прикрыли бабушкиной пуховой периной, матрасами, подушками, одеждой. Сверху положили стол и стулья. Лошадь, запряжённая в телегу, отмахивалась хвостом от надоедливых оводов и мотала головой, словно наблюдала за погрузкой и одобряла наши старания. Лошадью управлял мамин ученик четвёртого класса, он сидел на доске, положенной на борта телеги, периодически дёргал вожжи, незлобно ворча на лошадь, подражая взрослым, чтобы та стояла смирно. Бабушка, Гена и Нина уселись в телеге. Мы в последний раз посмотрели на уютный домик, в котором прожили целый год и успели привыкнуть к тихой деревенской жизни, но обстоятельства заставляли бежать. Бабушка, глядя на дом, перекрестилась и сказала: «С Богом, в добрый путь». Возница легонько ударил вожжами по спине лошади, и телега покатилась под уклон к мосту через речку, разделяющую деревню. Мы с мамой шли по пыльной дороге следом за телегой. Южное солнце слепило глаза, нагретая пыль приятно грела мои босые ноги, в воздухе стоял её запах. Через пять километров дорога стала подниматься на перевал, с которого был виден город. Я остановился, обернулся и посмотрел на Варваровку. Весь склон, до самой деревни, занимали виноградники. Кусты винограда росли ровными рядами, каждый куст привязан к колу, вбитому в каменистый грунт. Листья виноградных кустов сникли под палящим солнцем, казались серыми от осевшей на них придорожной пыли. Вдали, среди зелени, белыми точками виднелись дома, в которых жили мои новые друзья. Встретиться с ними в дальнейшем мне было не суждено. Я вспомнил дочек Кузьмича, подробности расстрела, и меня охватило беспокойство за нашу судьбу. В этот момент я простился с детством.

Дорога шла через село Супсех, от которого до Анапы было семь километров. Телега выехала на булыжную мостовую. Приходилось постоянно смотреть под ноги, чтобы ступать босыми ногами на крупные булыжники и не поранить ноги о выступающие камни. Телега тряслась вместе со скарбом и людьми, сидящими на ней. Бабушка, сидя на мешке с вещами, придерживала Нину, Гена держался руками за борт телеги. Перед городом нас остановил румынский патруль, мама показала какую-то бумажку, выданную ей комендантом Варваровки. Они порылись в наших вещах, но ничего для себя подходящего не нашли. Мы поехали

дальше: мне хотелось быстрее добраться до дома и укрыться в его прохладных комнатах от палящего солнца. Мама, тяжело вздохнув, сказала:

– Как хорошо, что они не нашли вино, могли вместе с вином забрать другие продукты.

Позже я понял беспокойство мамы о сохранности мешков с кукурузой, когда бабушка стала ложкой делить на всех нас кукурузную кашу.

В Анапе нас ждало разочарование. Наш дом был занят немцами. Мы поселились в сарае, так как в дом нам заходить запретили. Я смастерил из старого ведра мангал, на котором бабушка готовила еду. От немцев старались держаться подальше, не вступая с ними в контакт. Они относились к нам с безразличием и презрением.

Как-то сестра Нина играла во дворе, присев на корточки. Ей в то время было около трёх лет. Невдалеке умывался немец, поставив таз с водой на табурет. Закончив мыться, он выплеснул мыльную воду из таза на ребёнка. От неожиданности Нина посмотрела испуганно в его сторону и бросилась с ревом в наш сарай. Он хохотал, довольный своей шуткой. Мне хотелось запустить в его противную физиономию камнем или ударить палкой по лысеющей голове, но я понимал, что этого делать нельзя. С трудом сдерживая злость, я пошёл успокаивать Нину.

Младший брат Гена рос волевым, смелым малышом. Однажды немцы обедали под кроной дерева. Гена стоял невдалеке и голодными глазами смотрел на их еду. Они бросали на него взгляды и спокойно о чём-то переговаривались. Внезапно Гена подбежал к их столу, схватил кусок хлеба и убежал на улицу.

Вскоре немцев отправили на фронт, и мы перебрались в дом. Мама долго все мыла и убирала грязь, глинобитные полы заново промазала жидкой глиной.

Встретившись с приятелями, я заметил, что они сильно изменились. Уже не было прежних игр. Всех одолевали заботы: где найти дрова, где найти что-либо съедобное. Выходы к морю и в лес были запрещены. Ловля рыбы и крабов отпадала.

В мои обязанности входил сбор дров для обогрева дома и приготовления пищи. На всю жизнь запомнился такой случай. На развалинах Морской школы нашёл толстую доску, обгоревшую с одной стороны, взвалил её на плечи и понёс домой. На выходе с территории школы меня остановил немецкий патруль. Сильно ругаясь, немцы автоматами показали мне, чтобы я отнёс доску обратно. В сопровождении двух автоматчиков понёс её на развалины. По дороге страшная мысль приходили в голову: «Расстреляют или нет». К счастью, получил только пинок в зад и услышал ругань, из которой понял только: «шнель, шнель». Я бросился бежать и снова подумал: «Будут стрелять или нет». Этот урок не остановил меня. Я продолжал ходить за дровами на развалины школы, но был очень осторожен. Об этом случае, как и о многих других, дома умолчал.

Основной пищей в это время у нас была кукурузная каша, лепешки из кукурузной муки, фрукты и овощи из огорода. Мама договорилась молоть кукурузу на ручной мельнице у Старжинских. Это стало моей обязанностью. Нина Алексеевна расстелила во дворе кусок брезента, Хена прикатил из сарая каменные жернова. Горсть кукурузы насыпали в отверстие верхнего жёрнова, и я начал его

вращать. Моих сил хватало на несколько оборотов, потом я останавливался и отдыхал. Хена подошёл ко мне, и мы вдвоём домололи принесенную кукурузу. Маме пришлось договориться с другими соседями: у них жернова были деревянными, и я свободно мог их вращать. Помол был грубым. Бабушка просеивала его через решето и получала муку для лепёшек и крупу для каши. Лепёшки пекла на плите без сковороды, с целью экономии масла. Приготовленную кашу бабушка раскладывала в пять тарелок. Себе всегда оставляла меньше. Мама часть каши перекладывала в тарелки Нине и Гене. Я брал свою тарелку в руки и не позволял положить мне дополнительную порцию. К каше полагалась чайная ложка подсолнечного масла. Какое это было вкусное масло, с ароматом семечек! Мы постоянно вспоминали Кузьмича, который помог выжить в тяжёлое время.

Все ребята охотились на диких голубей и воробьев с рогатками. У дичи оказалось прекрасное мясо. Через многие годы я увидел в кинофильме «Пётр Первый», как немцы угощали царя жареными воробьями, и подумал, что не мы были первооткрывателями. Для нас эта дичь была единственным мясным блюдом в период оккупации. Мама несколько раз ходила с женщинами в близлежащие деревни, чтобы обменять старые вещи на продукты. Очень скоро запас вещей иссяк. Меня не покидало чувство голода в течение всего периода оккупации. Я часто вспоминал свой дом в Аше, его кладовую, где хранились всевозможные продукты, и думал: «Какой же я был глупый, что отказывался от парного молока и манной каши». Вспоминал окорока, висевшие в кладовой; у меня начинали выделяться слюни, я их глотал, и мне казалось, что голод притупляется. К счастью, период оккупации длился всего один год.

Зверства фашистов

Я почувствовал, что на войне происходят изменения в нашу пользу. В городе стало меньше немцев – их направляли на фронт. По ночам появлялись наши самолёты, бомбили аэродром и морской порт. Фашисты нервничали. У нас была уверенность, что совётские самолёты не сбросят бомбы на жилые дома, но на всякий случай спали под кроватями и столами. Такая предосторожность спасала при обрушении потолка и крыши. Зимой в доме было прохладно. Лежа под одеялом, я подтыкал его края под себя со всех сторон и поджимал ноги к животу, чтобы быстрее согреться. Перед сном представлял себя партизаном, стреляющим из пулемёта по врагам, а дрожь от холода казалась мне тряской от пулемёта.

Как-то утром я лежал под кроватью, напротив меня под столом спал Гена. Вдруг в комнату с шумом ввалились немцы, с ними переводчица Лидка-предательница. Это прозвище она получила за любовные связи с немцами. Перед войной она закончила десять классов, в школе считалась хорошей ученицей и активисткой. Полученных в школе знаний немецкого языка ей оказалось достаточно, чтобы, общаясь с живущими в её доме немцами, освоить их разговорную речь и стать у них переводчицей.

Перед отступлением немцев она добровольно уехала в Германию. После войны её под конвоем привезли в Анапу, осудили и отправили в Сибирь.

Лидка-предательница присела у стола, посмотрела на меня, затем на Гену, что-то сказала немцам и показала пальцем на Гену. Немцы заставили его одеться и увели с собой. Это были лётчики. Они жили на соседней улице и часто проезжали мимо нашего дома на мотоцикле в сторону аэродрома.

Я быстро оделся и побежал к их дому. Через забор увидел, что немцы собрали человек восемь ребят шестилетнего возраста из соседних домов. Многих я знал. Их допрашивали через Лидку-переводчицу, затем укладывали на лавку, и огромный верзила, засучив рукава, избивал мальчишек широким солдатским ремнем. С каждым ударом ремня у меня что-то обрывалось в животе. У забора собрались матери, многие плакали, молились, чтобы сжалились над их детьми. Затем ребят поставили к стене сарая, и один из фашистов, отойдя метров на десять, стал целиться в них из пистолета. Переводчица что-то говорила ребятам. Одна женщина охнула и упала в обморок, другая, забыв о предосторожности, запричитала:

– Шо вы робите, ироды! Хай вас накажет Бог.

Раздался выстрел. У меня замерло сердце. Стрелял немец из ракетницы: ракета ударилась о стену сарая над головами ребят, осыпав их искрами. После этого немцы о чём-то долго совещались. Я смотрел на Гену. Его глаза были широко раскрыты, лицо выражало страх и недоумение. Мне непонятна была причина ареста: Гена был постоянно на моих глазах. Слишком свежи были в памяти события в Варваровке, когда расстреляли дочек Кузьмича. Мама стояла рядом, её пальцы вцепились мне в плечи, она не чувствовала, что делала мне больно. Я не пытался отстраниться: боль физическая помогала легче переносить боль душевную. Немцы закончили совещаться и отпустили ребят. Мама бросилась обнимать и целовать Гену, он стоял, как невменяемый. Домой Гена брёл с трудом. Бабушка уложила его на кровать и начала смазывала исполосованную спину своей мазью. Эта замечательную мазь заживляла раны, вытягивала гной из фурункулов и ран. Рецепт перешёл к ней от её предков. Готовилась мазь очень просто: в серебряной ложке на огне доводились до кипения воск и подсолнечное масло в равных пропорциях. Эта мазь в течение моей жизни выручала много раз.

Расскажу предысторию ареста ребят. После освобождения города от оккупантов у ребят появилась возможность, как в довоенные годы, встречаться на углу улицы, обсуждать свои проблемы, делиться впечатлениями. Я узнал причину избиения детей. Оказалось, что из соседнего района двое ребят шли по улице Нижегородская в поисках чего-нибудь съедобного. В это время начинали созревать абрикосы. В некоторых дворах ветки фруктовых деревьев свешивались за пределы забора, над тротуаром. Абрикосы падали на землю, и ими можно было поживиться. При желании, можно было воспользоваться услугами «младшего брата». Так называли камень: запустить им в ветку, собрать упавшие фрукты и быстро убежать. Внимание ребят привлекло открытое окно, на котором лежала пачка печенья. Приблизившись, они увидели, что в комнате никого нет, рядом с печеньем лежит красивая коробочка с безопасной бритвой, на стене висит кобура с пистолетом. Всё это моментально оказалось за пазухой, и они бросились бежать. Один немец, находящийся во дворе, видел убегающих детей.

Листовка

О событиях под Сталинградом мы узнали от чехов. Небольшое их подразделение стояло во дворе дома моего приятеля Михаила. Они к нам относились очень дружелюбно, сами шли на контакт, говорили, что скоро придут наши. Мы неплохо понимали их язык. В душе у меня кипела буря радости, но надо было сдерживать эмоции: вдруг это провокация.

Чаще стали появляться наши самолёты. Они прилетали со стороны моря, бомбили аэродром, иногда завязывались воздушные бои. По шуму моторов мы научились отличать наши самолёты от немецких. Увидев как-то в небе наш самолёт, Хена радостно закричал:

– Наш, наш летит!

– Тише! – осадил его Вита. Если кто-нибудь услышит и передаст немцам, тебе несдобровать. Немцы наказывали тех, кто радовался успехам советской Армии.

По ночам с самолётов сбрасывали листовки с призывом к немецким союзникам сдаваться в плен. Мы собирали эти листовки и подбрасывали во дворы, где жили румыны и чехи. Нам хотелось оказать посильную помощь нашей Армии. Хорошо помню такой случай. Мы с Жиндой нашли в развалинах листовку на румынском языке. Жинда положил её за пазуху, и мы пошли искать дом, в котором жили румыны. Около одного дома стоял часовой. Поравнявшись с часовым, Жинда листовку протянул часовому. Тот, как мне показалось, испугался и посмотрел по сторонам. Убедившись, что поблизости никого нет, листовку сунул в карман шинели и пошагал от нас в сторону. Я уходил от часового с чувством небольшого страха и большой радости, что этот солдат не будет стрелять в наших бойцов, а при случае, сдастся в плен.

Бесчинства фашистов

Перед отступлением фашисты ожесточились: за свои неудачи на фронте они мстили местному населению. Регулярно устраивали облавы и увозили трудоспособных людей в Германию, взрывали жилые дома, превращая город в руины. Дома взрывали методично, по улицам, от центра города, с немецкой педантичностью. Мы не выходили на улицу. Увидав немецкий патруль, особенно эсэсовцев, направляющихся к нашей калитке, мама через окно убегала в сад и пряталась в туалете. В памяти на всю жизнь сохранился такой случай: в дом вошли три немца, осмотрели комнаты, один спросил бабушку:

– Где фатер? Где мутер?

– Отец капут, мать в Германии. Я одна осталась с ребятишками.

Высокий сухопарый немец со змеиным взглядом, показал на меня и стал что - то говорить своим напарникам. Испуг охватил меня. Недавно моего приятеля Альбика вместе с матерью увезли в Германию.

Немцы, посовещавшись, покинули наш дом. Я не мог двигаться от страха. Бабушка прижала меня к себе и стала успокаивать. С тех пор, увидев немцев, направляющихся к нашему дому, я вместе с мамой убегал через окно. Прятаться в туалете вдвоем было тесно и небезопасно. Мы стали прятаться в высокой траве в конце нашего сада. У меня среди высокой бузины и лебеды была проложена тропа, по которой на коленях незаметно можно было проползти в соседний сад. Там росли очень вкусные персики, и я иногда ими лакомился.

Дошла очередь взрывать дома на нашей улице. Мама подозвала меня к себе и строго взволнованным голосом сказала:

– Иди к калитке и наблюдай за улицей из-за кустов сирени. Не вздумай выходить за калитку.

Дальнейших пояснений мне не требовалось. Я знал, что о любой опасности надо будет предупредить маму. В соседнем дворе за улицей наблюдал Хена. Я перешагнул через невысокий каменный забор и присоединился к товарищу. Недалеко от нашего дома остановилась машина. Из неё вышли офицер и три солдата. Офицер резким, лающим голосом что-то сказал солдатам и показал рукой на дом Веры Карловны, стоящий против нашего дома, на дом дяди Коли, погибшего от осколка немецкой бомбы, и на дом Старостенко. Солдаты бегом помчались к этим домам и разложили на тротуаре около их стен взрывчатку. Немцы торопились: фронт приближался к Анапе. Фашисты подрывали все угловые кирпичные дома, выходящие фасадами на тротуар. Наш дом миновала эта участь, так как он был саманный и находился в глубине сада.

Лена

Машина с немцами проехала по улице мимо нас и остановилась около дома соседей. Мы с Хеной присели в кустах сирени и затаили дыхание. Нам отчётливо были видны лица фашистов, их торопливые действия. Мне хотелось запустить в них гранату или открыть огонь из пулемёта, но эти мечты были неосуществимы, как и многие мои сны, в которых я сражался с фашистами. В доме жила бабушка с двумя внучками. Старшая девочка была немного старше меня, младшая – ровесница Нине. Появились они на нашей улице неожиданно, перед оккупацией города. Ходили слухи, что они пытались эвакуироваться вглубь страны, но путь был отрезан немцами, и им пришлось остановиться в Анапе. Для нас, ребят, было странно, что они вселились в дом Стороженко, которые успели уехать до прихода немцев. Мать девочек с приходом немцев устроилась работать на винзавод. Девочки сторонились нас, выходили на улицу только с бабушкой. Мы тоже не искали с ними контакта и не приглашали в наши игры. Старшая девочка была красивой и нравилась мне. Она была всегда опрятно одета, большие голубые глаза смотрели внимательно и настороженно. Светлые волосы были зачесаны назад и скреплены бантом. Ребята считали их чужаками, и я, поддавшись детской солидарности, не подходил к ним, чтобы познакомиться. Наше отношение к ним изменилось после того, как мы узнали, что их маму расстреляли за связь с партизанами. Наши родители делились с ними продуктами из своих небогатых запасов. Девочки после трагедии с их мамой долго не появлялись на улице. Когда я увидел

их, сидящих на лавочке, сразу же направился к ним, не зная, что буду говорить. Слова нашлись сами собой.

– Меня зову Алик, а как вас?

– Я Лена, а это моя сестра Люба, – ответила старшая девочка.

Я присел на лавочку и не знал, какой еще задать вопрос.

Я испытывал к ним чувство уважения и жалости. Первой спросила Лена:

– Вы давно живёте в Анапе?

– Нет, не очень. Перед войной приехали.

– В море, наверное, успели накупаться досыта, – произнесла она мечтательно.

– Досыта накупаться невозможно. Я с ребятами ходил купаться по нескольку раз в день. На следующий день снова купаться хочется.

– Мы ни разу в море не купались, – с сожалением произнесла Лена.

– Где вы жили раньше?

– Мы ехали из Украины. Наш поезд часто бомбили. Приходилось выскакивать и прятаться в лесу или в кювете. Во время стоянки в одном крупном городе была сильная бомбёжка вокзала. Машинист не мог ехать, так как горел красный сигнал семафора. К паровозу подбежал военный и сказал машинисту:

– Немедленно уезжайте!

– Не могу, красный свет.

– Уезжайте, иначе поезд разбомбят.

Машинист повёл поезд на красный свет. Доехав до небольшого леса, поезд остановился. Люди выскакивали из вагонов и бежали в лес. Вскоре началась бомбёжка нашего состава. Бомбы разрывались около железнодорожных путей. К счастью, на этот раз ни одна не попала в состав. При следующем налёте поезд разбомбили, уехать на восток не было возможности, и мама решила добраться до Анапы. Здесь жили её хорошие знакомые. Их дом находится в запретной зоне.

Немцы выселили жителей из домов, расположенных вблизи моря, и объявили эту территорию запретной зоной. В осмелившихся зайти в эту зону стреляли без предупреждения.

– Где сейчас ваши знакомые?

– Не знаю, куда-то ушли.

Я понял, что затронул больную тему, и не задавал больше вопросов. Возможно, их знакомые ушли в партизаны. Об этом ни один ребенок не обмолвится словом. Про себя решил, что, как только город освободят от немцев, обязательно приглашу Лену купаться на песчаный пляж.

Когда немцы разгружали взрывчатку, бабушка девочек вышла на улицу, стала перед немцами на колени, перекрестилась костлявой рукой и стала умолять не взрывать дом. На ней были старенькая кофточка и длинная юбка, подол которой лежал в пыли. Лицо было серым, с впалыми глазами и щеками, видимо, от долгого недоедания и горя. Она кланялась немцу в ноги, пытаясь обнять его сапоги. Он оттолкнул её ногой и грубо произнёс:

– Найн, матка!

Немцы поспешно положили взрывчатку у стены дома, и машина поехала дальше.

Мы с Хеной наблюдали эту сцену из своего укрытия в кустах сирени. Долго ждали, когда бабушка с девочками выйдут из дома с вещами и направятся к кому-нибудь из соседей. Немцы дали жителям полчаса времени для освобождения домов. Они из дома не выходили. Неужели их взорвут вместе с домом? – подумал я. Меня охватили ужас. И я предложил другу:

– Хена, давай взрывчатку где-нибудь спрячем.

– Давай, – быстро согласился он.

Мы выглянули из калитки, улица была пустынной. Только вдали виднелась машина фашистов. Не думая о возможных последствиях, мы взяли взрывчатку и закопали в саду. Вскоре показались подрывники. Они взорвали все дома, около которых лежала взрывчатка. Дом, в котором находились бабушка с внучками, проехали мимо. Бабушка с девочками из дома не вышли. После освобождения от немцев, она говорила соседям, что Бог внял её молитвам, и они остались живы.

С каждым днём усиливалась канонада, которая доносилась от Новороссийска. Её звуки радовали нас и вселяли надежду на скорое освобождение. Мы с нетерпением ждали прихода наших войск. Наступили самые тревожные дни. Каждый день ожидания был трагичным для жителей и города. Немцы стремились как можно больше жителей вывезти в Германию и как можно сильнее разрушить город. Мама боялась, что немцы угонят нас в Германию. На улицу мы не выходили, вечерами в доме не зажигали свет, чтобы не привлечь внимание немецких патрулей. Часто отсиживались в бомбоубежище.

Ночь перед освобождением

Последнюю ночь перед освобождением города от фашистов мы провели в бомбоубежище Старжинских. На руках у Нины Алексеевны, как и у мамы, было трое детей. Её мужа, дядю Костю, немцы неоднократно вызывали в комендатуру и предлагали стать полицейским. Он отказывался, ссылаясь на образование в три класса. В конце концов, его угнали в Германию, и он там погиб. Всех соседей сплотили общие невзгоды – вместе легче было переносить трудности.

Вход в укрытие был завешен одеялом, в центре, на ящике, горел каганец. Это был основной вид освещения в период всего года оккупации. Делался он очень просто: срезался один бок картофеля, удалялась часть внутренности, туда заливалось любое масло, вставлялся фитиль из спички, обмотанной ватой.

В ту ночь никто не спал, но разговоров было мало: каждый думал о своём.

– Неужели скоро всё кончится? – произнесла Нина Алексеевна.

– Война ещё не скоро кончится, – ответила ей мама.

– Дай-то Бог, чтобы скорее немцев прогнали в Германию, – вторила ей бабушка.

Я мечтал, что с нашими войсками придёт отец, обнимет меня и поцелует. Мы сядем рядом и будем долго беседовать: мне надо очень многое рассказать ему.

На окраине города слышалась орудийная и пулеметная стрельба. По улице Черноморская прогрохотали танки, и всё стихло. Внезапно одеяло у входа отодвинулось, и перед нами появились два румына с винтовками в руках. Всех охватил страх. «Неужели это конец, перед самым освобождением?» – подумал я, и у меня

начала кружиться голова. Румыны, оглядев детей и женщин, молча, удалились. Все сидели в оцепенении, у мамы потекли слезы. Постепенно на улице установилась пугающая тишина. Мне казалось, что я оглох. Сейчас я хорошо понимаю выражение «глухая тишина». Утром мы долго не решались покинуть своё убежище.

Освобождение

Я выглянул на улицу: увиденное запечатлелось в памяти на всю жизнь. По улице шли два молоденьких советских солдата и разматывали телефонный провод. К ним подбегали женщины, обнимали и целовали. Солдаты смущённо улыбались, но не мешали женщинам изливать свои чувства. Мне хотелось подбежать к ним, броситься на руки, как бросался к отцу, обнять и поцеловать. За последний год, научившись сдерживать свои эмоции, я помчался в бомбоубежище сообщить об освобождении.

Вскоре все соседи были на улице. Люди ликовали, обнимали друг друга, у многих были слёзы на глазах. Закончился самый тяжёлый, страшный и незабываемый год моей жизни. Меня переполняло счастье. Стоял август, было тепло, ярко светило солнце. Казалось, оно радовалось вместе с нами.

В нашем доме на несколько дней остановился майор Николай Александрович. Он недомогал после ранения, и пищу ему приносил солдат. Угостив сестру и брата гречневой кашей, он заметил, насколько они голодны. С тех пор ему приносили по два котелка с супом и кашей. Большую часть еды он отдавал нам. Майор иногда выходил за калитку и отдыхал на лавочке. Перед его глазами была картина разрухи. Три угловых дома на пересечении улиц Черноморская и Гоголя были взорваны. Обломки стен перекрывали проезжую часть улицы.

Однажды я подошёл к майору, мне хотелось посидеть рядом с ним и поговорить, но места на лавочке не было, так как он сидел посередине. Просить его подвинуться я постеснялся и решил сделать рядом лавочку из кирпичей, лежащих на дороге. Стал подбирать кирпичи и укладывать стопкой. Майор долго смотрел на моё занятие, а затем спросил:

– Что ты делаешь?

– Хочу сделать лавочку, – ответил я.

– Разве можно брать чужие кирпичи? Люди пострадали, кирпичи им могут понадобиться для восстановления дома. Я советую тебе унести их на прежнее место.

Мне стало очень стыдно. Я не ожидал, что меня могут назвать вором. Это я запомнил на всю жизнь: нельзя брать чужие вещи, даже если они валяются. У меня пропало желание поговорить с майором. Перенеся кирпичи на прежнее место, я направился во двор.

Напротив нашего дома раньше стоял красивый старинный каменный дом Веры Карловны. Я всегда им любовался, проходя мимо: окна и карнизы обрамляли кирпичные узоры, пилястры имели затейливые рисунки. Теперь за грудой

кирпича была сколочена маленькая времянка из сохранившихся досок. В ней проживала Вера Карловна со своей подругой Сашенькой. Так она называла женщину лет шестидесяти. Вера Карловна до войны работала учительницей немецкого языка, а её муж был капитаном дальнего плавания. После одного из рейсов он не вернулся: его пароход разбомбила немецкая авиация.

Мама дружила с Верой Карловной. Их роднила общая специальность учителя, обе были очень начитанны. Я с удовольствием слушал их беседы, когда Вера Карловна бывала у нас. Она была учительницей с дореволюционным стажем, рассказывала очень много интересных историй. Мне она казалась очень старой, но крепкой старушкой. На её некогда красивом лице светились умные, внимательные глаза.

Во время оккупации она стала работать переводчицей в немецкой комендатуре. Люди к ней относились неоднозначно. Одни, кому она помогала при допросах, уважали, другие считали предательницей. На двери её дома была приклеена бумага с изображением орла и свастики, на ней на немецком, румынском и русском языках было написано: «Этот дом находится под защитой немецкой комендатуры». Немцы не пощадили дом своей сотрудницы.

После войны на её груди появилась медаль: «За победу над Германией». Мы узнали, что она работала в комендатуре по заданию горкома партии.

Жестокость немцев не имела границ. В первые дни освобождения Анапы от оккупантов я пошёл на море найти что-нибудь съедобное. Море штормило и могло выбросить рыбу или утку-нырка. Волны с шумом накатывались на галечную отмель, оставляя на берегу разный мусор и морскую траву, среди которой иногда поблёскивала рыбка. Волны, отступая, захватывали с собой гальку, камни терлись друг о друга, издавая шум и скрежет. Пробираться вдоль отвесного берега приходилось с большой осторожностью: набегающая волна могла подхватить и унести в море. При каждой перебежке надо было выбрать безопасное место, куда не докатывается волна и успеть добежать до него до наката следующей волны. Возле ручья, впадающего в море, я увидел женский труп. Лицо у погибшей было молодое, длинные волосы рассыпаны по гальке, кисти рук и стопы ног были отрублены. К своему удивлению, я не испугался трупа, он ещё не был изуродован временем и не испускал трупного запаха. Мне уже приходилось видеть трупы, выброшенные морем. Они были раздуты до объёмов их одежды и издавали смрадный запах.

Волны подкатывались к убитой, подталкивали её дальше на отмель, шевеля волосы и, обессилев, отступали в море, чтобы вернуться вновь. Скорее всего, немцы выбросили женщину в море с последнего парохода, увозившего жителей Анапы в Германию. Я побежал по крутому подъёму на высокий берег, у меня сильно колотилось сердце, поднялась непонятная боль в груди и тошнота. О находке сообщил первым встретившимся военным.

Через несколько дней я вновь пошёл к ручью. На высоком морском берегу увидел холмик, обложенный дёрном, на белом деревянном столбике были написаны стихи, посвящённые погибшей. Стихи были трогательными, проникновенными. У меня застрял комок в горле и потекли слёзы: перед собой я видел тело женщины с распущенными волосами, которые шевелило море. Неизвестный

автор призывал «фашистов бить, холм могильный не забыть». Прошло много лет, но я не могу забыть, ни тела женщины у ручья, ни белого столбика со стихами неизвестного автора.

Ослик

В нашем саду остановилось подразделение, воевавшее на Малой земле. У них был маленький ослик, умное, послушное и трудолюбивое животное, что не соответствовало поговорке: «упрямый, как осёл». Солдаты любили его, он платил им взаимностью. Я впервые видел осла, и мы с братом Геной постоянно крутились около него. Один из солдат предложил мне покататься на нём. Я отказался. Тогда Гена громко произнес:

– Я хочу покататься!

Его усадили на ослика и покатали по саду. Солдаты охотно разговаривали с нами. Мы, видимо, напоминали им их детей. Они расспрашивали нас обо всем, сами рассказывали о Малой земле. По их словам, ослик был героем «Малой земли»: на нём подвозили боеприпасы и продовольствие, вывозили раненых.

Подразделение имело свою полевую кухню. Нашу семью вдоволь кормили солдатской едой, словно поставили на довольствие. Я впервые за последний год наедался досыта и даже ел впрок.

К сожалению, солдаты скоро ушли на фронт, и с ними зашагал по фронтовым дорогам ослик.

Кузьмич

Через несколько дней после освобождения города от оккупантов к нам зашёл Кузьмич. Я сначала не узнал его. До войны ему было около тридцати лет, как и моей маме. Теперь перед нами сидел седой, утомлённый, с посеревшим лицом мужчина лет шестидесяти. На нём была серая шинель с солдатскими погонами. Меня это очень удивляло. Я считал, что он, председатель большого колхоза, обязательно должен быть командиром. Мама спросила:

– Почему вы в военной форме?

– Все партизанские отряды влились в регулярную армию.

Он выложил на стол весь свой солдатский сухой паёк: булку хлеба, сахар, консервы. Мы сидели за столом и впервые за долгое время пили чай с сахаром вприкуску. В Варваровке он уже побывал и знал подробности трагедии своей семьи.

Прощаясь, он обнял нас и обещал обязательно заехать после победы. Мы долго его ждали, но не дождались. Война распорядилась по-своему.

Последний год войны

После освобождения города от немцев, война продолжалась ещё два долгих и трудных года. Мы, ребята, хорошо понимали, что на оккупированной территории оставались миллионы наших граждан, поэтому внимательно следили за сообщениями с фронта. Первая радость весть – салюта в честь освобождения города Керчи. Стреляли в каждом дворе, где проживали солдаты. Напуганные жители выскакивали из домов, но, узнав причину стрельбы, присоединялись к общему ликованию. Второй салют был в честь освобождения Севастополя. На улицах был настоящий праздник, в сердца людей вселилась уверенность, что скоро война закончится.

В репродукторе часто звучал голос Левитана: «Наши войска под командованием маршала Жукова (Рокоссовского, Малиновского, Конева и других) освободили город. . .») От голоса Левитана мурашки пробегали по спине, а сердце наполнялось гордостью за нашу Армию.

Все ребята нашей улицы, в том числе и я, хотели стать офицерами и быть похожими на прославленных маршалов. У нас уже был жизненный опыт, и мы знали, что стране нужна сильная армия, чтобы не допустить новой войны. Мечта многих осуществилась – мы стали офицерами.

По-настоящему радоваться свободе может только человек, который был её лишен или пережил иго оккупации. Какое это счастье – свобода! Душа поёт: можно вернуться к своим любимыми увлечениям – собираться с приятелями, как в добрые довоенные годы, на углу нашего квартала, ходить толпой к морю купаться, рыбачить, ловить крабов. Все в трусах и босиком. Другой одежды в теплое время года никто из ребят не признавал. Очень удобно: искупался и иди, куда угодно, не заботясь об одежде. Трусы высохнут по дороге.

Меня отучил ходить в обуви такой случай. Ещё до войны загорали мы на галечной отмели. Жинда неожиданно спросил:

– Ты видел морского конька?

– Нет, не видел – ответил я.

– Пойдём, ребята, покажем ему морского конька

Мы вчетвером зашли в воду выше колен и осторожно двинулись вдоль берега. Под ногами были скользкие камни, поросшие мягкой зелёной травой. Ступать приходилось осторожно, чтобы не поскользнуться и не упасть. На каждом шагу ребята предупреждали меня об опасности. В воде открывался интересный мир, незнакомый мне раньше. Вот у камня притаился крупный ёрш. Если на него наступить, нога будет долго болеть от яда в иголках его плавника. Испугавшись нас, вглубь поплыл чёрный скат величиной с большую сковородку с ручкой. У него на длинном хвосте была видна пила. Меня предупредили, что этой пилой он может до кости распилить ногу, если ударит хвостом. Из травы постоянно выскакивали креветки, выплывала рыба игла, убегали боком крабы.

– Конёк! Конёк стоит! – закричал Вита.

Я осторожно приблизился к нему. Между двумя камнями, поросшими морской травой, не стоял, а висел в воде конёк: у него не было ног, чтобы стоять. Голова – как у лошади, хвост закручен спиралью. Налюбовавшись коньком, мы

вышли из воды и направились к тропе, ведущей по обрывистому берегу наверх. Мои сандалии остались у другого спуска, пришлось за ними возвращаться и догонять ребят. С тех пор я летом не надевал обуви…

Мы ходили купаться с галечной отмели по двум причинам. Во-первых, этот район моря находился в двух кварталах от нашей улицы. Во-вторых, вход на песчаный пляж был платным и находился на другом конце города. Я на песчаном пляже бывал несколько раз с родителями впервые дни по приезде в Анапу. Вход на пляж был через триумфальную арку, построенную после Турецкой войны. Перед аркой стояли две старинные пушки. Скорее всего, это были стволы от пушек, установленные на новые деревянные лафеты. За аркой был парк с множеством клумб, газонов, скульптур и фонтанов. В многочисленных киосках продавали мороженое, газированную воду и разные сладости. Цветов было так много, что от них рябило в глазах. Меня удивили портреты Ленина и Сталина, сделанные из растущей цветной травы. Парк примыкал к пляжу, который тянулся дугой вдоль морского залива на несколько километров. Людей на песке и в воде было так много, что это напоминало растревоженный муравейник. Нам с трудом удавалось найти место, чтобы расположиться всей семьей.

Это было до войны. После освобождения города от немцев мы с Жиндой сходили на песчаный пляж и не узнали город. Улицу Пушкинскую можно было пересечь только через завал обломков от взорванных зданий. В парке – запустение, никаких аттракционов, никаких цветов, пляж был пустынным. Нам расхотелось купаться, и мы побрели по домам.

Огорчение

Каждый новый день был не похож на предыдущий. События следовали одно за другим. Одни приносили радость, другие – огорчения. Некоторые впечатления исчезли из памяти, как дождь в песке, другие запомнились на всю жизнь.

Мне не удалось пригласить Лену на пляж. Вскоре вернулись из эвакуации Стороженко и потребовали, чтобы бабушка с внучками освободили их дом.

По вечерам все соседи собирались на улице: женщины на лавочке судачили, а мы, ребятня, играли поблизости и прислушивались к разговору взрослых. Спадал зной, нагретая за день земля отдавала своё тепло, солнце пряталось за горы, прощально освещая безоблачное голубое небо. Крупные стрекозы гонялись за мошками и друг за другом, издавая крыльями шелест.

– Как не стыдно Стороженчихе выгонять сирот из дома, – начала разговор Нина Алексеевна.

– В доме четыре комнаты, а их с дочерью двое. Могла бы повременить с выселением, – продолжила мать Виты.

– Спасибо им надо было бы сказать за то, что сохранили дом и всё имущество, – вмешалась третья женщина, – я им предлагала пожить у меня до освобождения их родного города.

Бабушка с внучками уехали незаметно, как и появились на нашей улице. С Леной я разговаривал всего несколько раз, мы не успели даже подружиться, но она

осталась в моей памяти на всю жизнь, как первая девочка, которая мне понравилась. Нас развела война, как и тысячи других людей.

После услышанного разговора сад Стороженко стал объектом номер один для наших налётов на фруктовые деревья. Иногда залезали к ним в сад не потому, что у нас не было своих фруктов или мы были голодными, а просто старались хоть чем-то досадить неблагодарным и жестоким людям.

Торпеда

Мы идём купаться в очередной раз. Горячая пыль дороги жжёт подошвы ног, солнце ласкает наши загорелые спины. Приходится перейти в тень, на тротуар, заросший спорышем. Ногам приятно ступать на мягкую прохладную траву. На душе спокойно, нет прежнего страха. О пережитом напоминают развалины домов по обе стороны улицы. Наш путь лежит через бывшую запретную зону.

Разговоры идут о том, что скоро наши освободят Крым; что на море прилив, у скал будет высокая вода и хороший клёв бычков. Радуемся тому, что можем свободно идти и говорить о чём угодно. Немцы запрещали собираться на улицах более трёх человек.

Искупавшись, мы загораем на горячих гальках отмели, любуясь стоящими на рейде недалеко от берега боевыми кораблями. День жаркий, на небе ни облачка, морская синева простирается до горизонта, за которым, я знаю, находится Турция. Иногда, при шторме, море приносит к нашему берегу семена неизвестных растений, похожие на чертиков с рогами. Ребята считают, что их приносит из Турции.

До войны в это время мы всегда ходили на бахчи за арбузами, которые брали без разрешения сторожей, выжидая время, когда поблизости никого не будет. Арбузы выбирали по нескольким признакам: хвостик должен быть подсохшим, пятно на противоположной стороне от хвостика должно быть как можно шире, при постукивании арбуз должен издавать глухой звук. Сорвав по арбузу, мы шли в виноградники, где была тень и можно было без посторонних глаз наслаждаться сладкой и сочной мякотью. Арбузы раскалывали о колени, ломали на части и выедали мякоть. После такого пиршества лицо и руки становились липкими. Приходилось идти на море купаться. В этом году, к нашему сожалению, арбузы не выращивали. Каждый вспоминал интересный, запомнившийся ему эпизод. Вита лежал на животе, подперев голову руками. Его спина лоснилась от загара, который отливал синим блеском. Он вспомнил, как Жинда однажды принёс зелёный арбуз, и нам пришлось с ним делиться. Хена, лежа на спине, подложив кисти рук под голову, закрыл глаза от палящего солнца и с улыбкой вспомнил, как за нами гонялся объездчик на лошадях, запряжённых в арбу. От его кнута нас спасли виноградники, в которых мы успели скрыться. Я сидел на тёплых гальках, подставив спину южному солнцу, и смотрел на море. Мой взгляд, как магнитом, притягивали к себе стоящие на рейде корабли.

Внезапно нас напугал страшный шум. Метрах в тридцати от нас на отмель выскочила торпеда. Её хвостовая часть находилась в воде, турбина работала, винты издавали вой и поднимали огромный фонтан воды.

Мы, понимая, что торпеда в любой момент может взорваться, бросились по крутому склону наверх. На высоком берегу остановились и посмотрели в сторону моря. Морские охотники за подводными лодками снялись с якорей и, как взбесившиеся рысаки, мчались по морю, поднимая за кормой буруны пенящейся воды. Они бомбили глубинными бомбами подводную лодку противника. Вдали, за бурунами, поднимались высокие фонтаны воды.

Мы не знали, что стали свидетелями морского боя между немецкой подводной лодкой и нашими морскими охотниками за подводными лодками. Фашистская субмарина подкралась к нашим кораблям и из подводного положения произвела пуск торпеды по большому кораблю, стоящему на рейде, но промахнулась. Морские охотники, охранявшие большой корабль, преследовали подводную лодку и бомбили её.

От одного корабля, стоящего на рейде, отошла шлюпка. На её корме развевался военно-морской флаг. На бело-голубом фоне были: красная звезда, серп и молот. В корме за румпелем сидел офицер и управлял шлюпкой, четыре матроса дружно поднимали и опускали вёсла в воду. Создавалось впечатление, что шлюпка машет крыльями, быстро скользя по воде. Моряки высадились на берег и осмотрели торпеду.

Офицер был в синем кителе с золотыми погонами, шевроны на рукавах ярко сияли на солнце, когда он что-то показывал рукой. На матросах была синяя форменная одежда, их полосатые тельняшки нам были хорошо видны с высокого берега. В торпеде закончилось топливо, и она спокойно лежала на гальке, как огромная сигара. После осмотра около торпеды остался только офицер, матросы отошли на почтительное расстояние и присели за скалой. Офицер снял китель, аккуратно положил его на гальки отмели. Оставшись в тельняшке, он присел около торпеды и долго «колдовал» над её носовой частью, затем рукой подал сигнал матросам, чтобы подошли к нему. Нам казалось, что время тянется бесконечно медленно – в любой момент мог произойти взрыв.

– Наверное, всплывет много глушёной рыбы, – сказал Хена, наблюдая за морскими охотниками.

– Вот если бы подводную лодку подбили, и она всплыла, – вторил ему Вита.

По дороге домой договорились утром прийти к морю и посмотреть, будет ли у берега глушёная рыба.

Много лет спустя, учась в Военно-морском училище, я узнал, почему торпеда не взорвалась. В её носовой части находятся взрывчатка и взрыватель. Для взрыва необходим удар о борт корабля. Этого не произошло: немцы промахнулись. Берег был пологий – удара не последовало, и торпеда выскочила на отмель.

На следующий день мы гурьбой отправились к морю. Дул слабый ветерок, и, словно вняв нашим желаниям, море катило к берегу невысокие волны, на гребнях которых подносило нам как дар вчерашнего боя глушёную рыбу.

Море прибило к берегу не только рыбу, но и большое масляное пятно. Возможно, глубинная бомба попала в подводную лодку. Я смотрел вдаль, хотел увидеть боевые корабли, но их уже не было. Эскадра, видимо, ушла к крымским берегам, чтобы поддержать огнем корабельной артиллерии наступающие на Севастополь наземные войска и помешать немцам бежать из Крыма морем.

Одна за другой катились волны, морская поверхность напоминала стиральную доску. Ветер стал усиливаться, на гребнях волн появлялись барашки. Море из синего превращалось в седое. Бегущие волны создавали впечатление, что море, покачиваясь, убаюкивает меня.

Юные минёры

Немцами были заминированы все поля, прилегающие к аэродрому. Наши минёры разминировали все окрестности: выкрутили из мин взрыватели, а мины уложили в кучи, чтобы тыловые части их вывезли.

Группа сапёров остановилась во дворе у Виты. После работы по разминированию на открытом воздухе, под палящим солнцем, они, раздевшись по пояс, сидели за столом в тени развесистой яблони и ели из солдатских котелков гречневую кашу с тушёнкой, обмениваясь впечатлениями о прошедшем дне.

– Какая стоит жара! Наверное, под сорок градусов, – сказал самый молодой курносый солдат со светлыми, коротко стрижеными волосами.

– Это тебе не твоя Сибирь. Ты, наверное, привык к сорока градусам мороза, – ответил ему пожилой солдат с усами, пожелтевшими от махорки. – У нас в Поволжье бывает и пожарче.

– Он привык к сорока градусам в бутылке, а не мороза, – пошутил, улыбаясь, третий солдат, – может быть, мне сбегать?

– Отставить! – перебил его пожилой солдат.

Вита, невдалеке от яблони, под которой шёл разговор, сидя на корточках, разбивал молотком на мелкие кусочки старый чугун для стрельбы из рогатки.

– Смотрите, что они творят, гады, – сказал молодой боец и высыпал на стол горсть металлических блестящих шариков, – я открутил крышку одной мины.

– Это для увеличения поражающей способности, – пояснил солдат с усами, проводя рукой по волосам.

– Противопехотные мины – это понятно: идет война, – вмешался в разговор третий. – Зачем же ставить мины-игрушки? Дети могут подорваться. Я сегодня несколько «бабочек» разминировал.

Вита внимательно слушал весь разговор сапёров, его очень заинтересовали шарики, и он спросил:

– Можно мне взять несколько шариков?

– Бери хоть все, – был ответ.

Недолго думая, он собрал шарики со стола, высыпал в карман и сходил за рогаткой. На вершине яблони осталось висеть несколько яблок, он прицелился и выстрелил. Яблоко упало на стол к солдатам. Они восхищались и хвалили Виту. Виты не был тщеславным, и буднично ответил:

– У нас все ребята стреляют хорошо.

– Это, наверное, случайно ты сбил яблоко, попробуй ещё, – сказал солдат-весельчак.

Вита долго целился, боясь промахнуться. Яблоко было сбито и упало на стол перед солдатом, который сомневался в способностях Виты.

– Бери, ешь, Фома неверующий, – раздался веселый смех солдат.

Полученных из разговора сапёров сведений оказалось для Виты достаточно, чтобы пригласить меня и Хену разбирать мины. Наш путь лежал мимо Морской школы, через пустырь, тянувшийся до моря, изрезанный оврагами, поросшими крапивой. За пустырем располагался аэродром: были видны самолёты и земляные валы ангаров. За аэродромом тянулись виноградные сады, а за ними поднимались Кавказские горы. Немцы обнесли территорию аэродрома колючей проволокой. По дороге нам попадались колышки с надписями: «Разминировано». Мины были свалены кучами около колючей проволоки. Противопехотные походили на килограммовые консервные банки, противотанковые – на большие сковородки, закрытые крышками.

Мы быстро освоили разборку мин, извлекали из них шарики для стрельбы из рогаток. Толу нашли применение позже. Около одной кучи мин на зелёных прутиках, приподняв крылья, сидели красивые бабочки. Хена протянул руку и хотел схватить бабочку за крылья.

– Стой! – закричал Вита.

Я вздрогнул от этого крика.

– Это мина-ловушка, нас всех может разорвать на части, – продолжал он.

Страх охватил меня. Хена стоял неподвижно с протянутой рукой, как в игре «Замри». Мы поняли, что стоило только сжать бабочке крылья, мина взорвётся.

– Не бойтесь, – ухмыляясь, произнёс Вита. – Саперы разминировали все мины.

Мы внимательно осмотрели бабочку, но прикоснуться к ней не решились. Она сидела на металлической трубочке, окрашенной под цвет травы. От крыльев в трубочку шли тонкие проволочки, трубочка соединялась с миной, похожей на маленький бочонок.

Возвращаясь в город, я наступил на сухую ветку акации и колючка вонзилась мне в пятку. Рывком выдернул колючку и пошёл дальше. Однако, боль мешала быстро идти, приходилось наступать только на носок. Конец колючки вонзился глубоко под кожу и причинял боль, если я наступал всей ступней.

– Ребята, надо найти что-то острое, чтобы вытащить колючку, – сказал я.

Нашёлся осколок стекла, я разбил его на мелкие кусочки, чтобы выбрать самый острый, сел на траву около дороги, согнул правую ногу и, осмотрел пятку. Кожа пятки была грубой и грязной. Найти место занозы удалось прощупыванием. Пришлось несколько раз плевать на пятку и стеклом соскребать с неё грязь. Затем острым кусочком стекла расковырял толстую кожу и вынул занозу.

Вита и Хена сидели на корточках рядом и наблюдали за моими действиями. Я вспомнил наставление мамы:

– Если порежете или собьёте ноги, бегите быстрее домой, чтобы залить рану йодом. В рану может попасть микроб столбняка.

– «Разве можно быстро добежать до дома, когда до города несколько километров», – подумал я и воспользовался давно проверенным способом: из расковырянной ранки выдавил несколько капель крови и залил её жидкостью, которая всегда была при мне, в мочевом пузыре.

Трагедия Жинды

Передовые части наших войск вели ожесточённые бои около селения Витязево, в двадцати километрах от города. Немцы создали там оборонительные сооружения для преграждения нашим войскам наступления на Керчь. Мне впервые удалось видеть стрельбу реактивных установок «Катюш». Несколько грузовых машин выехали на пустырь между Морской школой и жилыми домами. С рельсов, расположенных на машинах, одна за другой летели огненные молнии в сторону Витязево. При этом был страшный вой, от которого закладывало уши и поднималась волна страха. Раньше такого шума и воя мне не доводилось слышать. Машины исчезли с пустыря так же неожиданно, как и появились. Очевидцы рассказывали, что склон холма, на котором была оборона немцев, был весь перепахан и выжжен.

Уходя поспешно к линии фронта, какая-то воинская часть оставила, временно, на территории Морской школы небольшой склад с гранатами. Мы незамедлительно ими воспользовались для глушения рыбы. Принцип действия освоить не составляло труда. В гранату вставлялся запал, рычаг бойка прижимался к корпусу гранаты, за тесёмку выдергивалась чека, и гранату можно было бросать.

Первые броски гранат не увенчались успехом: рыбы у берега не было. Решили идти по высокому берегу моря в поискать косяка кефали, подошедшей к берегу на кормежку, и бросать гранаты сверху. Так и сделали, но гранаты, не долетая до воды, взрывались.

Появился опыт: корректировщик шёл по высокому берегу и рукой показывал, где рыба. «Взрывники» шли по отмели и бросали гранаты в нужном направлении.

В дальнейшем мы нашли бикфордов шнур и опытным путём определили такую его длину, чтобы взрывчатка могла, долетев до моря, взорваться в воде. В качестве взрывчатки использовали тол из разобранных мин.

Во время одной из таких «рыбалок» в руке Жинды взорвалась граната. Я увидел его испуганное лицо, забрызганное кровью, большие круглые глаза казались стеклянными. Вначале я не заметил его раздробленной кисти руки, испугался его вида. Хена и Вита бросились бежать к подъёму на берег – я за ними, Жинда побежал за мной. Путь к дому лежал мимо Морской школы. Я обернулся, чтобы посмотреть на Жинду. Его раненая рука была поднята вверх. Мне показалось, что он машет красной тряпкой. Ребята свернули на территорию Морской школы к военному госпиталю, мы с Жиндой бежали за ними.

У Жинды ампутировали кисть правой руки. Он потерял много крови. После операции к нам вышел военный в белом халате и спросил:

– Чем ему оторвало кисть руки?
– Гранатой, – ответил я.
– Какой гранатой?

– Стаканчиком.

– Такого названия нет.

– Эта граната такая же, как РГД, только без ручки. На неё можно надевать рубашку от гранаты РГД, – вмешался Вита.

– Понятно, – сказал доктор, – хорошо, что на ней не было рубашки. Вы все могли погибнуть на месте. Ваш товарищ потерял много крови, на время мы его оставим у себя. Идите и расскажите родителям о случившемся.

Меня только после разговора с доктором охватил страх. Я представил нас, четверых ребят, лежащими на отмели в лужах крови. Мне опять почудился запах карболки.

Трагедию с Жиндой я долгие годы видел во сне. Все подробности случившегося помню до сих пор.

Рыбалка с жадным стариком

Вскоре тыловые части армии собрали все мины, гранаты и оружие, брошенные немцами. Пришлось перейти на привычный лов рыбы удочкой. Излюбленным местом были скалы, выступающие из воды, и причал в порту. На причале рыбаки сидели в ряд, почти вплотную друг к другу. Нужна была немалая сноровка, чтобы забросить леску и не запутать ее с леской соседа. Ловились бычки, иногда попадались ерши и зеленухи. Я всегда завидовал рыбакам, швартовавшим свои лодки к причалу после возвращения с моря. Они, степенно, не торопясь, выгружали на причал вёсла, якоря и садки с рыбой, зная, что на них смотрят десятки глаз. Обычно привозили крупную ставриду. Как я им завидовал!

Однажды, набравшись смелости, я подошёл к Старику и предложил:

– Дедушка, возьмите меня с собой на рыбалку, я наловлю вам креветок для наживы.

Моё предложение заинтересовало его. Он осмотрел меня с головы до ног. Я с замиранием сердца ждал его ответа.

– Приходи завтра к пяти утра к моему дому. Да смотри, не забудь наловить креветок, – промолвил он.

Моё сердце забилось от радости. Наконец я выйду в море на хорошую рыбалку.

– Как я найду ваш дом? – спросил его.

– Бери вёсла, поможешь мне донести и узнаешь.

Вёсла были тяжёлые. Я готов был нести любую тяжесть, чтобы только выйти в море.

Наловив креветок, я пришел домой и с порога радостным голосом заявил, что завтра на лодке пойду в море ловить ставриду.

Мама категорично заявила, что мне рано выходить в море, это опасно, и она меня не пустит.

«Милая мама, знала бы она, каким опасностям я подвергал себя не раз»

На ночь мама закрыла входную дверь на ключ. Её кровать стояла рядом с дверью. Она была полна уверенности, что я не смогу выйти из дома. Я не спал

почти всю ночь. Решал дилемму: ослушаться маму или подвести рыбака. Чуть свет тихо оделся, открыл окно в своей комнате и оказался на улице.

В этот день рыба клевала плохо. Все рыбаки быстро вернулись на берег. Мы продолжали рыбачить. Старик был хмурым и молчаливым. Я задал ему несколько вопросов. Он ответил односложно, и я подумал, что он боится напугать рыбу. У меня рыба клевала лучше, чем у него. Каждый раз, опуская рыбу в садок, я перехватывал его недобрый, колючий взгляд. Вкралось беспокойство: плохая рыбалка из-за меня, он больше не возьмёт меня с собой.

Солнце перевалило за полдень, я беспокоился, зная, что меня дома потеряли. Сказать это Старику, значит опозорить себя и проститься с дальнейшей рыбалкой. Старик настойчиво ждал клёва.

Он продавал рыбу на базаре, ему нужен был улов.

Когда мы вытащили лодку на песчаную косу, Старик сказал мне:

– Считай свою рыбу.

Я пересчитал и сказал, что поймал сорок одну ставриду.

– Теперь половину рыбы переложи в мой садок.

– Зачем? – удивился я.

– Я разве должен тебя катать бесплатно?

Моё плохое настроение окончательно испортилось. Ещё недавно я мечтал, что буду регулярно ловить для Старика креветок, помогать носить вёсла. Перекладывая рыбу в его садок, я решил, что на рыбалку с ним больше не поеду.

– Почему мне перекладываешь самую мелкую рыбу? – слышал я его слова, как сквозь сон.

Ничего не ответив, я взял оставшуюся рыбу и молча пошёл от лодки.

– Ты куда пошёл? Помоги донести весла! – слышал я его голос позади.

Я ушёл, чтобы никогда с ним не встречаться.

Настоящие рыбаки

Мама до обеда особенно не беспокоилась, продумывала, как ей поступить со мной. Сын впервые ослушался. Затем стала сильно волноваться, в голову лезли разные мысли: «Лодку ветром унесло в море, она перевернулась, я выпал за борт». С каждым часом её беспокойство усиливалось. Она побежала за советом к соседу Крылову. Он до войны работал бригадиром рыбацкой артели. Выслушав взволнованную соседку, он спокойно ответил:

– Не волнуйтесь, на море штиль, – скоро вернётся.

Подробностей их беседы я не знаю. Со слов бабушки, мама вернулась успокоенной.

Уставший, голодный и обескураженный, я пришёл домой в четвёртом часу. Бабушка перекрестилась и произнесла:

– Слава Богу, вернулся.

Приняв мой улов, стала хвалить меня и удивляться:

– Какая крупная рыба, как много, ты никогда не ловил столько, садись скорее за стол, я накормлю тебя.

Мама прижала меня к себе и произнесла: «Не поступай так в дальнейшем».

К вечеру к нам пришёл Крылов, сел со мной рядом на лавочку во дворе, и мы с ним беседовали, как два равных рыбака. Он был высокого роста, крепкого телосложения, большие с надутыми венами руки спокойно лежали у него на коленях. Обветренное загорелое лицо было изрезано морщинами. Морщины не старили его, а придавали мужества, как человеку, который много времени провёл в море под палящим солнцем и ветрами и повидал многое на своём веку. Спокойным, немного приглушённым голосом он рассказал мне, как до войны ловили крупную камбалу, не менее крупных лису и сулу. Сулой на местном наречии назывались судаки, которые из моря большими косяками проходили по речке Анапке на икромёт в плавни недалеко от города. Мне особенно понравился рассказ о способе ловли кефали. В лунную ночь буксиром на баркасе тянут длинный широкий мат, сплетённый из камыша, с загнутыми бортами. Когда тень от мата попадает на косяк кефали, рыба выскакивает из воды, стараясь перепрыгнуть тень, и попадает на мат. Крылов спрашивал меня, где я рыбачил со Стариком, какая была глубина, на какую наживу ловили, сколько рыбы я поймал.

Я проникся к нему доверием и рассказал о рыбалке со Стариком. Не зря в поговорке говорится: «рыбак рыбака видит издалека». Собеседник покачивал головой и произносил:

– Ну и скряга, ну и скряга!

На следующий день Крылов вновь пришёл к нам. Поговорив с мамой, подозвал меня к себе и объявил: «Завтра пойдешь со мной в море на баркасе, готовься к рыбалке, я зайду за тобой».

Баркас был десятивёсельный, на веслах сидели шесть человек, седьмой держал в руке румпель, управляя баркасом. Свободного места было много, я примостился на свободной банке. Кроме меня на баркасе был ещё один мальчик, старше меня, внук одного из рыбаков.

– Куда пойдём? – спросил рулевой.

– Правь на банку, – ответили ему.

Я знал, что банкой называются сиденья в лодках. Что ещё называется банкой, предстояло узнать. Банка – мелководный участок моря глубиной пять-шесть метров.

Рыба клевала прекрасно. Рыбаки шутили, не боясь её напугать, втягивали меня в свои разговоры. Когда кто-нибудь вынимал из воды сразу три-четыре ставриды, ему говорили шутя:

– Не жадничай, оставь на завтра.

Рыбу на море ловят на удочки без удилищ. Толстая леска наматывается на плоскую шпульку, на конце лески – груз из свинца и на тонких поводках привязано до пяти-шести крючков. Леску держат в руке. Нащупав грузом дно, леску приподнимают сантиметров на двадцать. Поклёвки, как током, передаются по леске к руке. Надо вовремя подсечь и, не вынимая пойманной рыбы, дожидаться следующей поклёвки, чтобы сократить количество подъёмов удочки.

Домой вернулся рано, с трудом неся свой улов. На душе было радостно и спокойно. Думал только об одном: «Не опоздать бы к выходу баркаса в море на следующей неделе».

Во время разговора с Крыловым вспомнил, что я видел мат, которым ловят кефаль. В один из походов за крабами я брёл по колено в воде вдоль побережья. Было раннее утро. Вода за ночь не успела остыть, ногам было теплее, чем голой спине. Поднимающееся над горизонтом солнце обещало жаркий день. В правой руке я держал жигало, в левой – сумку для крабов. Жигало – это трость из толстой проволоки, конец которой остро заточен, а загнутый конец служит для переворачивания камней, под которыми прячутся крабы. Нужны опыт и интуиция, чтобы определить камень, под которым может находиться краб. Обычно краб, оставшись без прикрытия, убегал в глубину. Не всегда удавалось наколоть его жигалом: приходилось наступать на него ногой и накалывать жигалом, пропуская остриё между пальцами. Краб не может поднять клещи вверх и поранить ногу. Если позволяла глубина, можно было осторожно рукой вытащить краба из-под ноги. Увлекшись добычей крабов, я не сразу обратил внимание, что иду вдоль длинного плота, около которого на галечную отмель были вытащены баркас и ялик. Подойдя ближе, я удивился, что плот сплетён из камыша. Под загнутым бортом, со стороны берега, лежала довольно крупная кефаль. Рыбаков поблизости не было. Они, видимо, после бессонной ночи ушли отдыхать. Вскоре кефаль присоединилась к крабам в моей сумке. Голод часто заставлял идти на сделки с совестью. Дома сказал, что рыбину нашел.

Сажа, мыло и вода

Все мои сверстники в нашем квартале стали чистильщиками сапог. Я не хотел от них отставать. Решил помочь маме. Смастерил ящик, раздобыл щётки, сварил крем из сажи, мыла и воды.

Мы садились у забора на улице Черноморская в ряд и ждали клиентов. Эта улица соединяла Морскую школу с центром города, и по ней часто ходили офицеры. Когда приближался очередной военный, все взоры устремлялись на него, каждый с замиранием сердца ждал, к кому подойдёт клиент.

Чистка сапог – это целый ритуал. Первоначально парой щёток надо удалить пыль с одного сапога, затем барабанным боем щёток по ящику попросить клиента переставить ногу. Крем наносится помазком, растирается второй парой щёток, после этого сапог натирается куском воска и бархоткой наводится блеск. Каждая смена ног и окончание чистки сопровождаются барабанным боем щёток по ящику.

Теперь эта профессия забыта. В ту пору я сложил свое первое «стихотворение»: «Сажа, мыло и вода – не забуду никогда». Заработки были приличные, я все деньги отдавал маме, был горд и счастлив, что вношу свою лепту в бюджет семьи.

Однажды мы с Хеной сидели у забора и ожидали клиентов. К нам подошёл офицер, посмотрел на наши лица и нарочито грубым голосом произнес:

– Почему вы сидите, а я должен перед вами стоять. Кто живет ближе: марш за табуретом!

Хена показал на меня, хотя жили мы с ним рядом. Я побежал за табуретом и с сожалением думал, что Хена успеет почистить сапоги, пока я бегаю. Офицер

дождался меня, сел на табурет и поставил каждому на ящик по ноге. Поступок офицера был благородным. Он дал Хене и мне заработать, не обидев никого.

Приёмщик металлолома

В городе появился пункт по приёму ветоши и цветных металлов. Взамен приёмщик давал рыболовные крючки, лески и другую мелочь. Я, с помощью бабушки, собрал в доме весь хлам и отнёс его в приёмный пункт. С друзьями собирали стреляные гильзы и меняли их на крючки, иногда брали деньги. Часто находили заряженные патроны, вынимали из них пулю, высыпали порох и разряженные несли в приёмный пункт. Приёмщик, заметив, что в гильзах капсюль невредим, отказался их принимать. Мы быстро решили эту проблему. Забивали в землю боевой патрон, наставляли на капсюль гвоздь или вынутую пулю, ударяли по ним молотком или кирпичом. Гильзу в земле разрывало. Такие гильзы принимались. Мы обратили внимание, что носовые части некоторых пуль были окрашены в разные цвета. Вскоре по окраске научились определять: пули зажигательные, трассирующие и бронебойные. Как-то мы нашли патроны, пули которых имели красную и жёлтую полоски. Стали спорить, к какому виду они принадлежат. В углублении задней части пули была видна красная слюда. Я считал, что пуля зажигательная, Вита уверял, что трассирующая.

– Давайте испытаем, – предложил Хена, – у нас во дворе топится плита.

Недолго думая, мы пошли во двор к Хене, положили пулю на раскаленные угли и стал ждать результата.

Неожиданно пуля вылетела из печи, и стала летать по двору, скользя по земле. Когда пуля остановилась, мы подбежали и склонились над ней. Раздался взрыв, и оболочка пули превратилась в затейливую, с рваными краями, полоску. Мы поняли, что пуля была разрывной. Сейчас я понимаю, какой опасности мы подвергали себя. Осколок пули мог угодить кому-нибудь в глаз и оставить на всю жизнь калекой.

Однажды я увидел, как мужчина сдавал приёмщику крупные гильзы от снарядов для зенитных орудий. Гильзы были выше моего пояса. Приёмщик рассчитался с ним деньгами. Такие гильзы я видел на месте расположения зенитных орудий до оккупации города. Недолго думая, отправился на побережье. В заброшенном капонире нашёл гильзу, с трудом вытащил её наверх, она была тяжёлой. Первым желанием было оставить гильзу на месте, но стремление получить хороший куш победило. Я взвалил гильзу на плечо и пошагал по улицам города. Через каждый квартал останавливался и менял плечо. Я мечтал, что за сданный металл возьму только конфеты-подушечки: представлял, как обрадуются брат и сестра, когда я принесу домой много конфет и скажу: «Ешьте, сколько хотите». Бабушка поставит самовар, и мы будем пить чай с конфетами. Эти мечты помогли мне добраться до приемного пункта. Приёмщик металлолома видел через раскрытую дверь, как я, сгибаясь под тяжестью гильзы, переходил дорогу. Когда я вошёл в помещение и поставил гильзу около прилавка, он произнес:

– Отнеси гильзу туда, где взял.
– Я её нашёл у моря.
– Тогда неси к морю.
– Я хочу её сдать взамен на конфеты.
– Такие гильзы я не принимаю.

Приёмщик явно хитрил: он видел, с каким трудом я нёс гильзу, и понял, что обратно не понесу.

– Утром принимали.
– То было утром, – ответил он.

Мне ничего не оставалось, как выйти за дверь. Сил нести гильзу у меня уже не было, и я бросил её около приёмного пункта. Меня одолевали горечь и досада. Моей детской душе была нанесена ещё одна рана.

Ромашки и добрая женщина

После фиаско со сдачей металлолома я переключился на сбор ромашки. Ромашка росла повсюду: по улицам, в садах, на окраине города. Её заросли походили на белые скатерти в жёлтый горошек, брошенные на зелёные поляны. Собирать ромашку было легко. Мы садились на землю около зарослей, пропускали стебли меж пальцами руки, затем пальцы слегка сжимали, и после резкого рывка в руке оставалась горсть соцветий ромашки. Чаще всего я собирал ромашку вместе с Хеной и Жиндой. Между нами шло соревнование: кто больше соберёт. Принимала ромашку в аптеке очень приятная женщина. Она была в белом халате, белокурые вьющиеся волосы доходили до плеч, умные и внимательные глаза осматривали нас с головы до ног. Я сейчас хорошо представляю, какими она нас видела: босые, загорелые, с торчащими ребрами, которые легко можно было пересчитать. Её уважительный и душевный тон в разговоре с нами притягивал к ней, как магнит. Она о многом нас расспрашивала, интересовалась нашими семьями. Рассчитывалась за сданную ромашку деньгами, хвалила нас: «Какие вы молодцы, помогаете своим родителям». Её совет сдавать ромашку сушёной оказался очень выгодным. Сдав очередную порцию ромашки, мы спешили на сбор новой.

Часть заработка, в основном мелочь, я оставлял себе для игры в чику. Этой азартной игрой увлекались все ребята. Она заключалась в следующем: на кон – на кирпич, лежащий на земле, каждый ставил стопкой по определённой сумме решкой вверх, затем с расстояния метров десять бросали биты. Как правило, битой служил тяжёлый пятак. Чья бита была ближе к кону, тот первым ударял ребром пятака по стопке монет. Перевернувшиеся орлом вверх монеты считались его собственностью.

Однажды на улице Черноморская остановился грузовик. До войны грузовые автомашины были редкостью на нашей улице. Я, Хена и Вита быстро оказались около него.

Водитель обходил машину вокруг и стучал сапогом по колесам. Видимо, он был чем - то недоволен,

– Дядя, прокати, – робко попросил Хена.
– Не положено, – сердито ответил водитель.

Он не знал, на что мы способны. Переглянувшись, мы решили зацепиться за задний борт, когда машина тронется. Так и поступили. Я не мог дотянуться и пришлось подпрыгнуть, чтобы уцепиться за борт обеими руками. Машина медленно набирала скорость, её трясло на булыжной мостовой, кузов подпрыгивал и, казалось, старался вырваться из рук. Ребята быстро отцепились, а мне хотелось прокатиться подальше. Когда машина набрала скорость, я понял, что прыгать поздно, и решил ехать до её остановки. Постепенно мои руки уставали, я разжал пальцы и покатился по мостовой вслед за машиной. Ссадины были на руках, ногах и голове. Хромая, вернулся к приятелям.

Малограмотный начальник

Постепенно жизнь налаживалась. Она была непохожей на довоенную: к ней надо было привыкать и приспосабливаться. Мама стала работать на винзаводе секретарём-машинисткой. Ей выдали продовольственные карточки. У меня появилась новая обязанность – ходить в магазин и стоять в очереди за хлебом.

Как-то я спросил маму:

– Почему ты не пошла работать в школу?

– На заводе у меня оклад выше. Кроме этого, работникам завода дают паёк.

Однажды мама пришла с работы расстроенной и говорит бабушке:

– Не знаю, что мне делать. Хоть беги с работы.

– В чём дело?

– Напечатала я начальнику письмо и слово «каменщики» напечатала, как положено, без мягкого знака. Подписывая письмо, он над этим словом поставил жирный мягкий знак, посмотрел на меня укоризненно и сказал:

– Отправьте с исправлением и не допускайте больше ошибок.

На следующий раз я опять напечатала это слово без мягкого знака. Он учинил мне разнос.

– Покажи ему орфографический словарь, – посоветовала бабушка.

Мама до прихода начальника на работу положила ему на стол раскрытый словарь с подчёркнутым словом «каменщик». С тех пор он стал доверять маминой грамотности.

Винный завод имел подсобное хозяйство. Всем работникам завода, желающим сажать кукурузу, были выделены земельные участки. Мы с мамой при посадке в одну лунку бросали зерно кукурузы и семя фасоли. Это был общепринятый приём, чтобы с одного участка собрать урожай кукурузы и фасоли.

Как-то утром, собираясь на работу, мама спросила меня:

– Алик, ты один найдёшь наш участок кукурузы?

– Конечно, найду.

– Тогда сходи сегодня и прополи кукурузу.

Мне не очень хотелось сегодня идти в поле за десяток километров, так как вечером мы с Хеной собирались на ловлю крабов. Прикинув, что до вечера успею вернуться, я ответил:

– Хорошо, сейчас отправлюсь.

– Обязательно зайди к Валентине Ивановне, поздоровайся и передай от меня привет. Если не найдёшь наших колышков, она поможет найти наш участок – у неё план всех участков.

– Погоди, не торопись, – вмешалась в разговор бабушка, – приготовлю обед – поешь, тогда пойдёшь.

– К обеду вернусь, – ответил я, взял тяпку и пошагал через весь город. Мой путь лежал через городской рынок. Проходя вдоль рыбного ряда, любовался огромными судаками, камбалами, рыбой лисой и разной мелкой рыбешкой. Лиса была такой же плоской, как камбала, но в отличии от камбалы, у неё был длинный хвост с острыми шипами, похожий на верёвку. За базаром находилась единственная в городе автобусная остановка. Автобусы ходили до станции Тихорецкая. В то время железная дорога не подходила к Анапе. Я направился по дороге вдоль моря в сторону селения Витязево, перешёл по мосту речку Анапку, которая вытекала из плавней. В период нереста по ней в плавни поднимались на икромёт несметные косяки судаков. Слева от дороги тянулся песчаный морской берег. Недалеко от берега, над мелководьем, с криком носились чайки. На их крик слетались полчища их собратьев. Они без остановки таскали из воды мелкую рыбешку. Я сожалел, что на море стоял штиль. Во время шторма часто камсу, подошедшую на мелководье, тоннами выбрасывало на берег, и жители заготавливали её впрок. Справа от дороги из плавней, поднимались утки, пролетев над камышами, они садились на плёсы, разбросанные среди камышей. Любуясь окрестностями, часа через два я добрался до подсобного хозяйства. На пологом склоне к ручью стояла большая солдатская палатка для рабочих, рядом небольшая палатка Валентины Ивановны. Она руководила подсобным хозяйством. Я с ней был знаком. После посадки кукурузы мы с мамой заходили к ней. На противоположном склоне росла капуста.

Добросовестно выполнив поручение мамы, я пошел искать свою кукурузу.

– На обратном пути обязательно зайди ко мне, – крикнула вдогонку Валентина Ивановна.

Свой участок я нашёл быстро, кукуруза была выше моего пояса, сорняков было мало. Я шёл между рядами, срубал тяпкой сорняки и окучивал кукурузу. Со стеблей кукурузы свисали стручки вьющейся фасоли. Меня мучил голод, я периодически срывал стручки фасоли и поедал зёрна. Молодая фасоль имела сладковатый вкус. К концу прополки от большего количества съеденной фасоли меня начало тошнить: вся фасоль осталась между рядами в качестве удобрения. С трудом закончив прополку, побрёл к стану. Кружилась голова, болел желудок.

– Ты не заболел? – спросила Валентина Ивановна, когда я вошёл в её палатку.

– Нет, – ответил я.

– Оставайся у нас обедать, сегодня утром сторож прямо из палатки подстрелил зайца-русака, который повадился лакомиться нашей капустой. Через два часа будет обед из зайчатины.

Мне очень хотелось есть, но перспектива ждать два часа меня не устраивала. Я мог опоздать на ловлю крабов и подвести Хену.

Простившись с Валентиной Ивановной, отправился в обратный путь. Переходя по мостику ручей, текущий из плавней в море, заметил в воде среди камней множество журалки. Рыбы было много, как лапши в кастрюле. Она поедала растительность с камней. Удочки у меня не было. Рыбацкая страсть придала силы, и на время заставила забыть недомогание. Около дороги нашел большёй камень, зашёл на мост и, подняв камень над головой, двумя руками с силой бросил в воду. Течение понесло две оглушённые рыбки. Забежав ниже, я их поймал. Первым желанием было дождаться, когда рыба вновь соберётся около камней, чтобы повторить бросок, но слабость заставила продолжить путь домой. В одну руку я взял тяпку, другой пытался нести рыбу, но она выскальзывала из руки. Недолго думая, положил рыбу за пазуху, сделал напуск рубахи, чтобы рыба не касалась тела, и зашагал по пыльной дороге. Войдя в город, подумал: «Хорошо, что рыбу положил за пазуху. Незнакомые ребята старше меня могли её отобрать». До дома добрел с трудом, от еды отказался, сил хватило, чтобы лечь на кровать.

С тех пор прошло много лет. Запах фасоли я не могу переносить до сих пор.

Чувяки

Первого сентября я пошел в третий класс в школу, которая находилась на другом краю города. От старой нашей школы остались только кучи обломков. Один год учёбы был потерян: во время оккупации школы не работали. Летом мне обувь была не нужна, но в школу ходить без обуви не разрешалось. Из довоенной обуви я давно вырос. Бабушка распустила старые шерстяные вещи и на всю семью навязала носков. На чердаке она нашла старые галоши бывших хозяев дома. Идти в галошах было неудобно, задник одной был порван и она хлябала, приходилось поджимать большой палец, чтобы её удержать. В школе мне было стыдно за рваные галоши. Казалось, что все смотрят на них. Перемены проводил, сидя за столом, или стоял в коридоре спиной к стене. Через несколько дней маме удалось купить мне чувяки. Подошва их была из автомобильной покрышки, верх – из брезента. Радость моя не имела границ. Теперь я бегал во время перемены по школьному двору вместе с ребятами, играл в зоску и чику.

Самой популярной игрой в то время была зоска. Её делали из кусочков ветоши или старого меха и прикрепляли к небольшой пластинке свинца. Игра заключалась в том, чтобы, подбрасывая зоску внутренней боковой поверхностью стопы, не дать ей упасть на землю. Игра шла поочерёдно. Окружающие хором считали количество подбросок зоски. Победителем считался тот, кто дольше не уронит её на землю.

За время оккупации совхозные виноградники были запущены, с вредителями никто не боролся и они развелись во множестве. Наш класс отправили на сбор жуков-долгоносиков. Ехали в кузове грузовой автомашины, сидя на лавках, сделанных из досок, прижавшись друг к другу. Мы осматривали окрестности. Вот проехали мимо Морской школы. Ее четырёхэтажные корпуса смотрели на нас глазницами незастеклённых оконных проёмов. Вдали был виден аэродром. С него поднимались самолёты и направлялись в сторону фронта. За аэродромом начинались виноградники, которые тянулись до селения Супсех. Классу отвели

участок виноградника, показали вредителей и объяснили, как собирать. У меня был опыт сбора жуков: я показал ребятам места под кустами, где любят прятаться жуки, и работа закипела. Мы шли вдоль рядов виноградных кустов, переговариваясь и шутя. После выполнения задания представитель совхоза выдал всем по талону на право покупки одной булки хлеба. Вернувшись домой, я сразу же помчался в магазин. Купив хлеб, шёл, постоянно на него поглядывая: очень хотелось попробовать. На вид он был плотный, чёрный, с кукурузными крупинками на корках. Во мне боролись два чувства: соблазн попробовать хлеб и сложившаяся привычка – всё съестное приносить в дом и делить поровну. Наконец, я не выдержал и отщипнул уголок корки, долго её пережевывал. Во рту скопилось много слюны, но я не торопился её проглатывать, продлевая удовольствие. Когда проглотил, чувство голода во мне усилилось. Я отломил ещё кусочек. Про себя решил: дома скажу, чтобы мне хлеба дали на кусочек меньше. Домой принёс булку без одной корки. Протягивая бабушке хлеб, сказал:

– Я съел корку с одной стороны булки.

– Не расстраивайся, это твой заработок, сейчас я отрежу тебе кусок с общипанной стороны.

В школе периодически давали талоны на вещи: брюки, рубашки, носки, ботинки. Учительница входила в класс и объявляла: «Сегодня нашему классу достался талон на ботинки. Сейчас посмотрю, кто у нас очередной». Пока она смотрела список, я опускал глаза, моё сердце учащённо билось, думал: «Хоть бы назвали меня». Талон доставался другому ученику. Мне выдали талон на рубашку. Я ходил несколько раз в магазин, но рубашек не было. Приближался конец месяца, срок действия талона истекал. Мама пошла в магазин и принесла простыню.

С тех пор я не опускал глаз при распределении талонов. Я знал: мне талон не достанется, так как многие ученики его ещё не получали.

Лобань

Домой из школы я никогда не ходил прямым путём. Обычно возвращался берегом моря в надежде найти что-нибудь для пропитания семьи. Почти всегда полуголодный, старался добыть рыбу или уток.

После уроков выходил на улицу, определял направление ветра и, в зависимости от его направления и силы, шёл на рыбалку или охоту.

Город расположен на полуострове. Если с одной стороны мыса штормит, то на другой – затишье. В моём портфеле, кроме книг и тетрадей, лежали: кусок тола величиной с туалетное мыло, кремень, кресало и трут из горелой ваты в коробке из-под сапожного крема.

Осенью и зимой рыба на удочку не ловилась. Приходилось добывать другим способом. Я шёл по высокому берегу моря и внимательно вглядывался в чистую голубую воду. С высоты хорошо просматривалось мелководье, лежащие на дне камни, поросшие морской травой, местами попадались песчаные плешины. Взгляд напряжённо искал крупную рыбу, подошедшую близко к берегу. Вот я увидел нескольких лобаней, спокойно плавающих между крупными камнями.

Среди рыбаков кефаль делилась на три вида: журалка – самая мелкая, одногодка, кефаль – рыба средней величины и лобань – крупная рыба, в несколько килограммов весом. Это рыба с тупым носом и плоским лбом. Возможно, из-за формы головы получила своё названию.

Убедившись, что смогу добросить тол до рыбы, достал из портфеля взрывчатку и принадлежности для добывания огня, высек искры на палёную вату, поджёг бикфордов шнур, торчащий из запала, и бросил тол в воду. Бросок был удачным. Когда вода успокоилась, на дне остались лежать две крупные рыбины. Запомнив камень, против которого лежала рыба, я спустился к воде вниз и разделся. Сердце радостно колотилось, я представил, как обрадуется бабушка, когда принесу домой огромную рыбину. Ледяная вода обжигала ноги, но я упорно шёл вперёд. Глубина достигала пояса, когда в двух метрах передо мной в воде показался лобань, лежащий на дне. В этот момент нога покатилась по скользкому камню, и я оказался с головой в воде. Выскочив из воды, бросился к берегу. Глубокая вода не позволяла быстро двигаться, тело жгло, как огнём. На берегу обтёрся рубашкой, дрожащими руками натянул на себя одежду, засунул сырую рубашку в портфель и побежал, чтобы согреться. Меня колотило, как в ознобе. К счастью, я не заболел.

На следующий день в школе я рассказал о своей неудаче Кулику. У ученика нашей школы Алексея было такое прозвище за небольшой рост и длинный нос. Он был на три года старше меня и имел авторитет заядлого рыбака. Выслушав меня, Кулик предложил:

– Покажешь место, я достану каждому по лобаню.

После окончания уроков мы зашли к нему домой, он взял жигало, чтобы за рыбой не пришлось нырять.

Кулик медленно продвигался в глубину, жигало служило опорой, чтобы не поскользнуться. Около первого лобаня вода доходила ему до груди. Наколов рыбину жигалом, он направился к берегу. Его трясло, как в лихорадке, губы посинели. Одевшись, заикаясь, произнес:

– Ещё раз в воду не полезу. Бери жигало и лезь сам.

Я в воду не полез. Это была не первая и не последняя моя неудача при ловле рыбы таким способом.

Охота на уток

Купание в ледяном море на время охладило моё пристрастие к зимней рыбалке. На зимовку на Чёрное море прилетало множество нырковых уток разных пород. Огромные чёрные бакланы, величиной с гуся, никогда не подплывали близко к берегу. Они прекрасные ныряльщики на большую глубину. Их часто губило желание поживиться рыбой, попавшей в сети: они запутывались в них и становились добычей рыбаков. Утки средней величины, очень похожие на дальневосточных кайр, держались на почтительном расстоянии от берега. Небольшие нырки, величиной с речного чирка, плавали недалеко от берега, постоянно ныря-

ли, добывая мелкую рыбёшку и креветок. Часто подплывали к берегу, на мелководье и, опуская голову в воду, добывали себе корм.

Охота на уток требовала определенной сноровки. Они не боялись брошенных в них камней, так как успевали нырнуть. Удачным бывал бросок, когда камень попадал в утку в момент нахождения её головы в воде. Приходилось подолгу сидеть за огромными камнями, сорвавшимися с отвесных скал над морем, и ожидать, когда утки подплывут к берегу.

Недалеко от морского причала была затоплена деревянная баржа, её борта в воде обросли морской травой, в которой водились креветки. Верхняя часть баржи была разобрана жителями на дрова. Нырки часто подплывали к барже и лакомились креветками. Все мои попытки подойти по пустынному песчаному берегу поближе к уткам успеха не имели. Они ныряли и уплывали под водой. Подбежав к барже, я увидел уплывающих под водой нырков. Мне казалось, что я мог бы их догнать. На следующий день, не доходя до баржи метров пятьдесят, я разулся, снял брюки и устремился с доступной мне скоростью к барже. Утки не сразу обратили на меня внимание. Когда они нырнули, я помчался по воде им наперерез и оказался среди плывущих под водой уток. Схватив одну из них, побежал к берегу. Я был рад добыче, даже перестал обращать внимание на замёрзшие ноги. Одеваясь, подумал, что мог бы поймать ещё одну. Домой шёл, держа в одной руке портфель, в другой – утку. Мне казалось, что все прохожие обращают внимание на мою добычу. Я был горд и счастлив. С тех пор бабушка часто подавала к столу дичь. Нырки имели привкус рыбы, но, приготовленные умелыми руками бабушки с сухими фруктами, были съедобными. Они нравились нам, как некоторым людям нравится рыба сивушного посола с душком.

Однажды я пришел к затопленной барже в надежде увидеть около неё нырков, но был разочарован. Небольшой ветерок катил по мелководью длинные волны и разбивал их о борт баржи. Уток поблизости не было видно. Слоняясь вдоль берега, я забрёл на причал. У причала покачивался на волнах баркас, гружённый знакомой мне барабулькой – небольшой рыбкой розового цвета с тупой головой и ртом в нижней части головы. Двое рыбаков черпаками из металлической сетки на длинных ручках заполняли корзину рыбой, затем, выждав момент, когда волна поднимет баркас на гребень волны, резким движением поднимали тяжёлую корзину и ставили на причал. Две женщины, взяв корзину за ручки, уносили на склад. На причале лежала большая куча бакланов, вынутых рыбаками из сетей. Женщина, стоящая на причале, видимо, как и я, забрела на причал из любопытства, спросила у рыбаков:

– Можно я возьму одного баклана?

– Берите, ради Бога. Мы не знаем, куда их деть, – послышался ответ.

Я вмиг оценил обстановку и спросил:

– Можно я тоже возьму баклана?

– Бери, если донесёшь.

Не мешкая, взял баклана за шею и пошёл по дощатому настилу причала к берегу. Баклан был очень тяжёлым, мои детские пальцы не могли обхватить его толстую шею, она скользила в моей руке, и птица волочилась по настилу причала. Я понял, что так мне не донести добычу до дома, но о том, чтобы её бросить, не

могло быть и речи. Это была пища для семьи на несколько дней. Не раздумывая, взвалил баклана на спину, уцепился обеими руками за её шею и пошагал.

Бабушка была в восторге от моей добычи. Она ножом разрезала на спине кожу баклана и умело сняла её вместе с пером. Нырковых уток очень трудно щипать, и было принято снимать с них кожу вместе с перьями.

За ужином я был героем дня. Бабушка, как всегда, хвалила, называла кормильцем, мама смотрела на меня печальными глазами. Ей было жаль моего потерянного детства. Вместо детских игр я занимался добычей пропитания. Мне тогда было всего одиннадцать лет. Уплетая за обе щеки хорошо разваренное мясо, я чувствовал себя, на время, главой семьи.

Митинг

В центральном сквере города состоялся митинг, посвящённый перезахоронению партизан, погибших во время боев с оккупантами. Приехал первый секретарь Краснодарского обкома партии, возглавлявший партизанское движение в крае. В своем выступлении он рассказал о многих партизанах из Анапы, о гибели своего сына, девятиклассника, в застенках гестапо. Сын собирал сведения о немцах, был связным между подпольем и партизанами. Он погиб, никого не выдав. Горе каждого, стоящего на митинге, превратилось в одно большое общее горе. Рядом со мной стоял Жинда. Когда среди погибших партизан назвали имя его отца, он плакал и дрожал, у меня давно катились слезы. Женя знал, что его отец воевал среди партизан, но ни разу об этом не обмолвился. Я проникся к нему уважением и с тех пор называл его Женей.

Вскоре около братской могилы появился обелиск с фамилиями партизан, погибших в борьбе с фашизмом. Ближайший путь к морю на рыбалку с причала лежал через этот сквер. Мы с Женей часто подходили к обелиску и искали знакомые фамилии. У меня всегда подкатывал комок к горлу и появлялись слезы…

Ещё шла война, а секретарь обкома уже говорил о планах по восстановлению городов и сёл края. Он говорил о больших перспективах, но они не интересовали меня. Меня интересовало наше существование в данный момент.

Возвращаясь с митинга, я думал о судьбе моих друзей: у Жени отец погиб в партизанах; отца Хены немцы увезли в Германию; у Виты отец исчез в тридцатые годы. Мой папа был на фронте, и я не знал, вернётся ли он живым. Война лишила нас радости общения с отцами.

Последний год войны был очень трудным для нашей семьи. Продуктов, выдаваемых по карточкам, хватало только на жизнь впроголодь.

Мы получали письма из Аши от родственников. Они предлагали вернуться в родной город, обещали обеспечить картофелем, помочь с продуктами и в обустройстве. После многих колебаний мы покинули Анапу.

Я прощался со своими друзьями, с которыми пережил много счастливых и тяжёлых дней; с курортным городом, который успел полюбить; с Чёрным морем, которое дарило мне радости и печали; со своим детством. Впереди меня ждала новая жизнь, полная новых приключений.

Постепенно военные годы моего детства уходят в историю. Я вспоминаю о них с чувством грусти и надежды, что новые поколения минует такая суровая участь.

Восьмиклассники

1

В Новосибирск наша семья приехала в первых числах сентября. Мама хотела пойти со мной в школу, познакомиться с учителями и объяснить причину моего опоздания к началу учебного года. Я запротестовал:

– Мне будет стыдно, что меня мама приведёт за ручку в восьмой класс. Дорогу к школе найду сам.

– Пусть будет по-твоему, – согласилась мама, – бери документы и отправляйся в школу пораньше, чтобы успеть до звонка зайти к директору.

Ближайшая школа находилась на улице 1905 года.

Я иду по незнакомой улице, рассматривая частные дома по обе стороны пыльной дороги. На душе тревожно: как меня встретят директор и ученики и вообще, как сложится моя дальнейшая жизнь. Внезапно слева увидел зелёный оазис среди серой деревянной застройки. За густыми зарослями возвышались купола церкви. Прямо передо мной, на углу сквера, стояло кирпичное двухэтажное красивое здание школы. Подойдя к дверям, я прочитал вывеску на красном фоне: «Общеобразовательная средняя женская школа № 9». В те времена обучение в школах было раздельным. Меня охватило беспокойство: неужели соседи пошутили и отправили в женскую школу. Пришлось спросить у прохожего, где находится мужская школа. Она оказалась на этой же улице ,через квартал.

Директор школы Иван Григорьевич Богданов, мельком посмотрев мой табель, долго изучал меня внимательным строгим взглядом и, наконец, твёрдым, как сталь, голосом произнёс:

– В каком классе сидел два года?

У него были колючие глаза. На приятном лице выделялся крупный нос, сжатые губы казались узкими, волосы зачёсаны назад.

– Я не сидел по два года.

– По возрасту ты должен быть в девятом классе.

– У меня пропал один год во из-за войны.

– Почему пропал?

– Я был на оккупированной территории.

– Где проживал в это время?

– В Краснодарском крае, в городе Анапа.

Выражение его глаз сменилось на мрачно-задумчивое. Немного подумав, сказал:

– Пойдём в класс. У меня в твоём классе урок физики.

Когда мы поднимались на второй этаж, я заметил, что у него на одной ноге протез. Ему приходилось держаться за перила и наклоняться в одну сторону, чтобы поставить ногу с протезом на очередную ступеньку.

Войдя в класс, он подождал, пока все встанут и успокоятся, поздоровался и твёрдым голосом сообщил:

– Прошу любить и жаловать – наш новый ученик.

Свободное место нашлось в третьем ряду, и я направился к нему. Иван Григорьевич сел за стол, открыл журнал и произнёс:

– Так, кого мы сегодня спросим?

В классе установилась тишина, никто не поднимал руку.

– Надо бы спросить Рябышева, – продолжал он, – вчера было воскресенье, он, наверное, был на охоте, уроки не выучил. У него больше всех оценок, правда, из пары оценок – первая двойка, вторая четвёрка. Двойки получал в понедельники. По закономерности, сегодня должна быть двойка.

– Рудик, был вчера на охоте? – обратился он к Рябышеву.

– Был!

– Урок выучил?

– Учил.

– Вы смотрите, какой дипломат, как ловко отвечает: учил, а не выучил.

Иван Григорьевич вызвал к доске другого ученика. Моё сердце заколотилось, я обрадовался, что в классе есть охотник, надо с ним познакомиться. С нетерпением дождался перемены и, подойдя к нему, сказал:

– Давай познакомимся, я тоже охотник. Мы недавно приехали в город, и я не знаю мест охоты. Моё имя Алик.

– Рудик, – протянул он руку.

Так состоялось наше знакомство, которое переросло в крепкую дружбу, длившуюся более пятидесяти лет. Он был выше среднего роста, крепкого телосложения, в глазах – весёлая хитринка. Кучерявые волосы густой шапкой покрывали голову. Быстро растущие, они доставляли ему немало хлопот: в то время в школе требовали, чтобы ребята были коротко подстрижены. Я подстригался не чаще одного раза в месяц, а у Рудика через неделю отрастала густая шевелюра. Классный руководитель Ольга Николаевна, придя на урок, первым делом задавала ему вопрос:

– Рябышев, ты когда подстрижёшься?

– Я подстригался на прошлой неделе.

– Почему тогда на голове такая копна?

– Наверное, потому что волосы растут.

– Завтра не приходи в школу лохматым.

При знакомстве Рудик предупредил меня:

– Никому в школе не говори, что ты охотник, и ко мне больше не подходи – поговорим после уроков, по дороге домой.

После уроков я дождался его около школы, и мы пошли по улице Бурлинская в сторону его дома.

– Зачем такая конспирация? – спросил я.

– Разве ты не понял, что происходило на уроке физики? – удивился он.

– Что произошло? Я не заметил.

– В нашей школе очень не любят охотников и рыбаков. Зная, что в воскресенье нет времени учить уроки, обязательно спрашивают по понедельникам. Так что если не хочешь попасть в немилость и получать двойки, не подходи ко мне на переменах, будем общаться после уроков.

После обмена мнениями по поводу охоты и ружей Рудик спросил:

– У тебя есть охотбилет?

– Нет.

Я понятия не имел, что каждый охотник должен иметь такой билет. До Новосибирска жил на Сахалине. Наш домик стоял среди леса. В свободное время беспрепятственно ходил с ружьём по окрестностям.

– Тебе надо вступить в общество охотников. Завтра клубный день в охотколлективе «Спартак». После уроков пойдём туда вместе.

Небольшое деревянное здание клуба охотников находилось на территории спортивного комплекса «Спартак», на месте современного бассейна. Когда мы вошли в клуб, я был удивлён. На стенах висели чучела уток, тетеревов, рябчиков, куропаток, глухаря. Рога лося, марала, косуль вызывали моё восхищение. Я не мог себе представить, что можно охотиться на такую дичь. Красочные стенгазеты притягивали к себе мой взор. На маленьком столике были разложены машинописные журналы «На Уень реке». Позже я узнал, что редактором журнала был писатель Кондратий Никифорович Урманов, а художником – архитектор Георгий Карчевский. За столом сидел председатель Аркадий Степанович Хорошков. Он за руку поздоровался с Рудиком, подал руку и мне. Такого демократичного отношения, как к равному, я ещё не встречал.

Узнав цель моего появления в клубе, Аркадий Степанович протянул мне лист бумаги и маленькую книжицу.

– Напиши заявление о приёме в общество охотников. Когда выучишь охотничий минимум, скажешь мне. По пятницам приём экзаменов.

Перед сдачей охотничьего минимума я волновался больше, чем перед экзаменами в школе, хотя охотничий минимум выучил досконально. Для меня было много открытий: я узнал, что на охоте нельзя подходить к людям с заряженным ружьём; нельзя направлять ствол ружья на человека, даже если ружьё разряжено; нельзя стрелять по невидимой цели, и многое другое. Меня всегда удивляло: почему ствол ружья двенадцатого калибра имеет диаметр больше, чем шестнадцатого калибра. Теперь я узнал, что калибр ружья определяется количеством пуль, которые можно изготовить из фунта свинца для данного ружья.

Экзамен принимали трое пожилых охотников. Старший был высокого роста, с большим орлиным носом на морщинистом лице. Я на всю жизнь запомнил его странную фамилию: Баньолеси. После экзамена он написал резолюцию на моем заявлении «Экзамен принят».

Через неделю я получил охотничий билет, в котором было написано, что я имею право охотиться на всей территории Советского Союза, за исключением заповедников и заказников. В охотбилет были вписаны марка моего ружья и его номер. На этом заканчивалась регистрация оружия в те времена. Я храню этот билет всю жизнь.

Кроме охотничьего билета мне было выдано маленькое красное удостоверение с эмблемой общества «Спартак». По этому удостоверению я беспрепятственно проходил на стадион и даже стал заядлым футбольным болельщиком команды «Спартак».

В пятницу, во время большой перемены, когда большинство ребят бегали с мячом по баскетбольной площадке, ко мне подошёл Рудик и сказал:

– Завтра мы едем на охотиться на уток, поедешь с нами?

– Конечно, поеду, – обрадовался я.

Исполнялось моё желание. Для меня не имело значения, с кем ехать и куда – лишь бы только на охоту, поэтому я не задавал вопросов.

– Сегодня вечером принеси ко мне домой своё ружьё и вещи. Моторка от Чернышевской пристани отходит в два часа, нам надо успеть после уроков зайти ко мне переодеться и добежать до пристани.

Последние уроки прошли у меня под впечатлением от разговора, я был невнимательным, обдумывал, что взять, сколько патронов, в мечтах уже стрелял по уткам.

Домой после уроков летел, как на крыльях. На остановке трамвая «Бурлинская» запрыгнул на «колбасу» трамвая и, держась за ограждение заднего окна, думал: «Почему сегодня трамвай идёт так медленно?». Третий номер трамвая ходил по улице Гоголя от вокзала до сада Дзержинского. Доехав до остановки «Ипподромская», я помчался вдоль забора ипподрома домой. Там проходили бега: через щели деревянного забора было видно мелькание лошадей, запряжённых в коляски. В этот день меня бега не интересовали.

2

В субботу после уроков мы встретились с Рудиком за углом школы и пошли по тротуару, заросшему спорышем, вдоль частной застройки. Карнизы и окна домов были украшены резьбой, все дома стояли за высокими заборами с калитками и воротами. Тополя, посаженные вдоль тротуара, бросали тень, закрывая от тёплых ласковых лучей осеннего солнца. По пыльной дороге ходили куры, лошадь везла бочку с бардой, жители с вёдрами спешили из дворов к ней. Отходами винного производства – бардой – откармливали свиней. Вот таким был облик послевоенного Новосибирска. Сегодня на этом месте стоят высокие панельные дома.

Мария Павловна, мать Рудика, накормила нас борщом. Ели мы торопясь, почти не жуя. Переодевшись в старую, видавшую виды, охотничью одежду, надев на ноги растоптанные ботинки, я закинул на плечи ружьё и зелёный отцовский фронтовой рюкзак, в котором лежали плащ-палатка, противоипритные чуни, патроны и провиант. Рудик торопил меня: времени было в обрез. Почти бегом мы пронеслись мимо вокзала, через туннель под железной дорогой и по крутому Чернышевскому спуску, прежде чем попали на пристань. Около пристани через Обь был наведён понтонный мост, по которому изредка проходили грузовые автомашины. До отхода моторки оставались считанные минуты, я с облегчением вздохнул – мы не опоздали. На дебаркадере нас ожидал Арнольд Атавин. Он был на год старше меня, белобрысый, с пухлыми губами и небольшим шрамом на

щеке. Познакомив нас, Рудик сказал, что Арнольд живёт на одной с ним улице, учился в одном с ним классе, но ушёл из школы после седьмого класса.

Меня не удивило его имя. В начале тридцатых годов прошлого века, после заключения мирного договора с Германией было модно давать детям немецкие имена. В нашем классе учились Адольф Пархоменко, Герман Мелихов и другие ребята с иностранными именами. С началом войны я стал стесняться своего имени и всегда представлялся Аликом. В те годы самым оскорбительным прозвищем было имя Фриц, так как всех фашистов называли фрицами.

Купив билеты, мы прошли на корму моторки, заваленную берёзовыми дровами, и очень удобно, на наш взгляд, разместились на них. Нам предстояло плыть больше часа до Кудряшовского бора. В то время по Оби ходили моторки, в топках которых сжигали дрова. На корме то и дело из люка появлялся кочегар, набирал охапку дров и исчезал в трюме. Он не мешал нам любоваться просторами огромной реки, несущей свои воды в океан. Колёса моторки глухо шлёпали по воде. Она медленно развернулась у причала и двинулась вниз по течению. Я впервые видел просторы Оби и берег со стороны реки. Правый высокий берег был застроен трущобами, всюду на отмели лежали лодки. Рудик сказал, что этот район называется «Нахаловка» за самовольную застройку. Левый низкий берег утопал в зелени. На мелководье с криком носились чайки. Они выхватывали из воды мелкую рыбёшку. На их крик спешили другие чайки, чтобы не опоздать к обеду.

Начиналась первая волна осеннего перелёта птиц. Низко над водой иногда проносились стайки уток, они часто-часто махали крыльями, словно торопясь улететь подальше от надвигающейся осени с её холодами. Высоко в голубом небе, как корабли, клином проплывали гуси.

Моторка проходила мимо большого острова, на правом берегу был виден Зельцовский бор, левый – зарос тальниками. Мои наблюдения прервал Арнольд, рассказывающий о своей охоте на Толмачёвских болотах. Жестикулируя, показывал, как из неудобного положения сбил летящую утку, которая упала в болото. Пробираясь к ней по кочкам, провалился в трясину и выбрался благодаря палке, которую предусмотрительно взял с собой. Не менее поучительную историю рассказал Рудик. Время пролетело незаметно, моторка подошла к пристани «Кудряшовский бор».

Я подружился с Арнольдом, и он стал постоянным моим спутником на охоте. Он просто «болел» охотой. Поговорку-шутку «если учёба мешает охоте, брось учёбу» он понимал в прямом смысле. Неоднократно уезжал на охоту на несколько дней, сильно запустил учёбу, и его отчислили после седьмого класса. Его отец, чтобы отвлечь сына от охоты и друзей-охотников, переехал работать в Иркутск, где Арнольд окончил школу, институт и вернулся в Новосибирск.

Моторка пришвартовалась к дебаркадеру, на котором её ожидала толпа грибников с полными корзинами груздей. Стояли последние дни «бабьего лета», солнце светило, но слабо грело. Мы сошли по трапу и по просёлочной дороге направились через сосновый бор. В те годы автомобильной дороги к Кудряшовскому бору не было. Он находился на острове. С востока его омывала Обь, на западе – озёра и болота, на юге остров отделяло озеро Кривое, которое соединялось с Обью, на севере протекала река Чаус.

Мы шли по узкой просеке, по обе стороны стеной стояли огромные сосны, их вершины смыкались над нами. На дороге и стволах деревьев играли тысячи зайчиков от солнечных лучей, проникающие через густые кроны сосен. Попадались тёмно-зелёные ковры брусничника и черничника. Воздух был насыщен ароматом хвои и лесных растений. Я был очарован, мне казалось, что я попал в сказку и скоро увижу избушку на курьих ножках. Чем дальше мы продвигались, тем больше открытий я делал. С одной из сосен неслись звуки морзянки, которую отбивал крупный дятел в чёрном одеянии, как кардинал с красным «колпаком» на голове. Неожиданно дорогу перебежал бурундук, он заскочил на ствол сосны и стал наблюдать за нами, словно соображая: стоит ли ему бояться нас.

В конце просеки появился просвет, всё пространство, заросшее тальником, вербой, красноталом, было залито солнечным светом. На кромке бора расположилась охотничье-рыболовная база – два небольших домика и навес для лодок. Невдалеке, около зарослей кустов, поблескивал на солнце небольшой плёс. Нас, как родных, встретила заведующая базой Екатерина Васильевна Мелихова. Она записала время нашего прибытия в журнал, оставила у себя охотничьи билеты, выдала карточки отстрела и каждому долблёные из толстого дерева лодки-обласки, на которых предстояло плыть к месту охоты. Эти лодки напоминали индейские пироги, были узкие и вёрткие. Грести надо было одним веслом. Я никогда не плавал на таких лодках. Рудик и Арнольд ловко гребли вёслами с одного борта, и их лодки двигались в прямом направлении. Моя лодка виляла из стороны в сторону, приходилось грести поочерёдно с каждого борта, чтобы плыть в нужном направлении. Наблюдая за движениями рук и вёсел своих товарищей, я постепенно освоил искусство гребли веслом с одной стороны лодки.

Местом охоты было выбрано большое болото со множеством плёсов на противоположном берегу озера Кривое. Эта местность называлась Мочажиной. Мы перетащили лодки через заросли тальника и оказались на берегу довольно большого водоёма. Свои лодки приятели спустили на воду, мою спрятали в кустах. Ребята помогли мне сделать скрадок: нарубили веток тальника, воткнули их у уреза воды, среди осоки, нарезали камыша и замаскировали им моё укрытие. Я принёс из лодки беседку, уселся на неё в скрадке и согнул камышинки, чтобы удобно было осматривать окрестность. Мои друзья поставили невдалеке четыре деревянных чучела уток и уплыли подыскивать себе места для охоты. С моего плёса через редкие камыши были проходы на другие плёсы. Оставшись один, я стал осматриваться. По периметру водное зеркало заросло высоким камышом, вода была подёрнута ряской, на её тихой поверхности дремали листья кувшинок. Я, как зачарованный, смотрел на эту удивительную картину и думал, что у воды – своя жизнь. Там наверняка есть личинки комаров и стрекоз. Рыба охотится за ними более успешно, чем я сейчас за утками. Меня окружало зелёное царство! Я чувствовал себя частицей этого удивительного мира, впитывал тепло осеннего солнца и думал: «Какое счастье всё это видеть! Как люди могут жить в городе, не бывая на природе?».

Каждый шорох, каждое движение привлекали мой слух и взгляд. Вот на лист камыша уселась тоненькая, изящная голубая стрекоза, её выпуклые глаза были больше головы. Она не боялась, словно зная, что я не причиню ей вреда. Таких

стрекоз мы называли коромысликом. Над водой выписывали сложные виражи ласточки в погоне за насекомыми. Иногда в стороне пролетали утки. В небе парила скопа, выискивая свою жертву. Мне хотелось узнать, какая ей нужна добыча, но она не спускалась со своей высоты. Моё радостное настроение испортилось, когда я вспомнил, что сбежал из школы и пропустил классный час.

Солнце клонилось к закату, в его лучах зелень сияла множеством оттенков. Даже гладь воды казалась зелёной. Это был неизвестный для меня мир. Я чувствовал, что в камышах и зарослях тальника происходит своя жизнь, слышал шорохи и всплески воды. Вот кто-то с шумом и треском пробирается через камыши и кустарники. Меня охватило беспокойство. Сидя в укрытии, я сжимал в руке ружьё и вглядывался в сторону удаляющегося шума. Надо мной иногда пролетали утки, но я не успевал вскинуть ружьё и с сожалением провожал их взглядом. В другом конце Мочажины слышались редкие выстрелы. Комары бесшумно садились на моё лицо. Приходилось постоянно их наказывать, нанося себе удары по лицу.

Постепенно солнце спряталось за горизонт, все предметы стали серыми. Вдали прокричала выпь, извещая, что вечерняя зорька закончилась. Вскоре послышались всплески вёсел, и ко мне подплыли Рудик с Арнольдом.

– Кого убил? – весело спросил Рудик.

– Только комаров, – ответил я.

– Сколько?

– Не считал.

– Следующий раз считай.

Место для ночлега мы облюбовали около копны сена. Развели костёр, чай заварили веточками чёрной смородины и корнем шиповника, на плащ-палатку выложили незатейливый провиант и приступили к трапезе.

Из разговоров я узнал, что наступил «мёртвый сезон»: большинство местных уток улетело, а северные ещё не прилетели. Арнольд видел двух косуль, которые бежали по кустам в сторону озера Каменное.

У меня не было опыта устраивать ночлег под открытым небом, поэтому я полностью положился на своих новых друзей, стараясь во всём им помогать. Мы надёргали сена из стога, устроили мягкую постель, накрыли плащ-палаткой, сверху ещё слой сена. Втроём залезли под плащ-палатку и оказались в мягкой душистой постели. Я лежал и смотрел в чистое ясное небо, усыпанное множеством звёзд. Вдыхал аромат свежего сена, слышал мерное дыхание своих друзей. Вокруг – ни звука. На душе было радостно и спокойно. «Какое счастье, – думал я, – быть на природе, видеть незабываемые красоты, спать под звёздным небом!». Ковш Большой Медведицы сделал четверть оборота вокруг Полярной звезды, а я всё ещё не мог заснуть, думая о прошедшем и завтрашнем днях.

Во сне я видел летящих уток, стрелял по ним, но звука выстрела не было слышно, и утки улетали. Проснулся от толчка в бок.

– Пора вставать, надо разжигать костёр. До рассвета должны быть на своих местах, – командовал Рудик.

Утро было прохладным, звёзды исчезли с небосвода, густая темнота не позволяла даже увидеть чучела на воде. Вскоре на восходе появилась светлая полоса, затем она стала розовой и постепенно ярко-красной. Когда из-за горизонта пока-

зался краешек солнца, ярким пламенем запылала утренняя заря. Природа начала оживать: слышалось хлюпанье и кряканье утки, на кромку камыша вышла маленькая чёрная болотная курочка, в тальниковых зарослях пересвистывались какие-то пичуги. Над болотом пролетели утки и опустились на озеро Каменное. Пришлось присесть на беседку, чтобы не быть пугалом. Моё внимание привлекли чучела: их стало пять. Все были неподвижны и походили друг на друга. Я пересчитал их несколько раз. «Наверное, ребята утром поставили мне ещё одно чучело», – подумал я и стал смотреть по сторонам в надежде увидеть подлетающих уток. Боковым зрением заметил, что одно чучело стало медленно удаляться от остальных. Не мешкая, вскинул ружьё к плечу, прицелился и выстрелил. Утка перевернулась на воде. Это была первая добытая мной утка. Радости и удовлетворения я не испытал, скорее была досада, что добыл её таким способом.

Над Мочажиной утки стали пролетать чаще. Я, как и вчера, не успевал вскинуть ружьё и выстрелить влёт. Вот к моим чучелам направилась стая чирков. Я присел. Ожидал, что они сядут около чучел, но чирки, издавая крыльями свист, пронеслись мимо. Сопровождая их взглядом, заметил, что они, сделав круг над угодьями, направились к чучелам и опять со свистом пролетели мимо. Когда они сделали третий разворот, я прицелился над чучелами и стал ждать их приближения. В момент пролёта первого чирка против ствола ружья выстрелил. К моему удивлению, из стаи выпали два чирка, которые летели последними. Сердце радостно забилось, домой приеду не с пустыми руками.

Зорька закончилась: утки перестали летать, ко мне подплыли приятели. Собирая мои чучела и уток, Арнольд спросил:

– Алик, ты стрелял два раза. Почему на воде лежат три утки?

– Надо уметь стрелять! – с гордостью ответил я.

– Не хвастайся, у нас добычи больше, – парировал он.

– Давайте перетащим лодки на озеро Кривое и порыбачим, – предложил Рудик.

– Я не предполагал рыбачить, у меня нет удочек, – сказал я.

– Есть запасные, – протянул мне подергушку Рудик.

В моих руках впервые оказалась удочка с очень коротким удилищем и леской с крупной окунёвой блесной.

Мы сидим в лодках на озере, которое протянулось на многие километры в сторону Колывани. Одним веслом, опущенным в воду, удерживаю лодку в нужном месте. Свободной рукой непрерывно дёргаю подергушку.

Весной озеро становится проточным: вода из Оби проходит по нему и другим озёрам, очищая их от растительности, и впадает в реку Чаус под Колыванью. Его песчаные берега заросли труднопроходимыми кустарниками ивы и тальника. На затопленные луга и кустарники устремляется рыба на икромёт. Когда вода спадает, в озере остаётся много рыбы.

Приятели часто выдёргивали из воды окуней, у меня не было ни одной поклёвки.

– Подплыви ближе, – крикнул Рудик, – здесь яма.

На новом месте я сразу же почувствовал удар по блесне, рука непроизвольно сделала подсечку, и леску задёргала рыба. Выдернув окуня в лодку, я долго не мог

снять его с блесны. Он подпрыгивал, не даваясь взять в руку, уколол мне палец плавником. Мне стало жаль его: он боролся за свою жизнь, но чувство добытчика не позволило отпустить его в воду. Окуни набрасывались на блесну, как голодные волки на падаль. Их наряд был очень красив, но колючки были с ядом. Иногда крючок блесны приходилось вынимать не изо рта, а из жабры, глаза или бока окуня. Меня это удивляло, но размышлять об этом феномене не было времени. При одной подсечке что-то серьёзное тянуло мою удочку, пригибало руку к воде, сопротивлялось и не хотело идти к лодке. Меня пронзило как током, в теле появилась дрожь. Мелькнула мысль: поймал крупную рыбину, только бы не порвала леску, надо её помучить, прежде чем вытаскивать. Я несколько раз подтягивал рыбину на полводы, затем отпускал. Когда всё же решился вытащить добычу в лодку, то был сильно разочарован: на блесне оказался обычный окунь весом граммов двести. Крючок впился ему в хвост. Скоро дно лодки было усыпано красавцами-окунями с яркими красными плавниками и тёмными полосами поперёк тела, напоминающими тельняшки матросов. Намучился я с ними чуть не до слёз, исколол в азарте обе руки. Душу переполняла радость: домой вернусь с хорошей добычей. Ради этого можно вытерпеть многое.

По песчаной отмели против нас ходил мужчина и рыбачил на спиннинг. Блесна его спиннинга иногда падала в воду недалеко от наших лодок.

Солнце залило своими лучами прибрежные тальники, песчаная отмель сияла золотом в его лучах, лёгкий ветерок рябил поверхность озера, и она напоминала рыбью чешую. Рыба перестала клевать, мужчина на берегу давно развёл костер и колдовал около него. Мы причалили, Рудик и Арнольд подошли к костру и поздоровались с мужчиной. Я понял, что они знакомы.

– Прошу к моему шалашу, берите свои ложки и присаживайтесь – уха уже готова, – пригласил мужчина.

Мои приятели присели около котелка. У меня ложки не было, и я стоял, вдыхая аромат ухи из свежей рыбы.

– А ты почему стоишь? – обратился ко мне мужчина.

– У меня нет ложки.

– Молодой человек, запомни на всю жизнь: когда едешь на рыбалку, можешь не брать с собой продукты, но ложка всегда должна быть с тобой. У любого костра тебя накормят ухой. Быстро беги на базу и попроси у Екатерины Васильевны ложку.

До базы было метров двести. Преодолев их за считанные минуты, взяв алюминиевую ложку, полетел назад с неменьшей скоростью. Запах ухи придавал мне силы. Шёл третий год после окончания войны, пища оставалась скромной: с собой на охоту я взял только хлеб и кусок колбасы.

– Быстро ты сбегал, видно сильно проголодался, – с улыбкой отметил Рудик.

Уха была горячей, ароматной, необыкновенной на вкус. Я обжигал губы своей ложкой. У всех были деревянные, и они спокойно ими орудовали. Окуней выложили на листья лопуха. К моему удивлению, они были в чешуе. Мне хотелось взять окуня и есть его, запивая ухой, но не знал, как есть рыбу в чешуе. Пришлось ждать, когда кто-нибудь займётся этим. Арнольд первым взял окуня, положил его на ладонь левой руки, вынул спинной плавник и ловко снял чешую вместе с

кожей. Мне не хотелось пачкать руки рыбой, и я стал ложкой снимать чешую, но кожа рвалась, часть чешуи оставалась на рыбе.

– У нас так рыбу не едят, – сказал Рудик, – учись, пока я живой. Он быстро очистил окуня и, прищурив глаза, стал с удовольствием есть.

Для меня это было хорошим уроком. Я купил себе деревянную ложку и никогда с ней не расставался. Научился готовить уху. Главное условие – рыба должна быть свежей, лучше живой, окуней и ершей не чистят.

Рыбака, который преподал мне этот урок, звали Кондратий Никифорович. Ребята его хорошо знали и непринуждённо разговаривали, как с равным.

– Ваша рыба крупнее, чем у нас, – сказал Рудик, протягивая руку за очередным окунем.

– У меня блесна крупнее, мелкой рыбе она не по зубам. За моей блесной бросается хищник, который надеется на свои силы. Вот щука сегодня ни одна не польстилась на мою приманку.

– Много вы сегодня поймали? – вмешался я в разговор.

– Я поймал ровно столько, сколько надо на уху, чтобы угостить вас.

Такой ответ меня озадачил. Мы-то рыбачили, пока был клёв. Каждому хотелось привезти домой больше рыбы.

– Завтра поплыву к первым воротам, там должны клевать щуки. Хочется сразиться с достойным противником. Если клёва не будет, перетащу лодку через гриву на озеро Подстанки. Там необъятный простор для рыбалки и охоты, – продолжал разговор Кондратий Никифорович.

– Разве на озере есть ворота? – удивился я.

– Воротами называются изгибы озера, где в глубоких ямах водятся щуки.

– Там водятся не только щуки, мне однажды на блесну попались два крупных налима, – сказал Рудик.

Я, как губка, впитывал названия, завидовал Кондратию Никифоровичу – ему не надо спешить домой. Мне хотелось увидеть первые ворота, озеро Подстанки, проплыть по озеру Кривое и изучить его окрестности.

Простившись с гостеприимным рыбаком, поблагодарив его за вкусную уху, мы поплыли на базу.

Около навеса для лодок стояло корыто и несколько вёдер с груздями, залитыми водой. Мне не приходилось видеть такого количества грибов, и я, присев около корыта, стал их разглядывать. Это были сухие грузди средней величины, одного размера, как калиброванные. Внезапно кто-то сзади больно ударил по голове. Я резко поднялся и хотел схватить обидчика, но не успел. От меня убегал громадный красивый петух. Он гордо держал голову и что-то рассказывал курам о своём подвиге. Мне захотелось запустить в него камнем или палкой, но поблизости ничего не оказалось. Рудик и Арнольд закатывались от смеха.

– Грибом, грибом в него запусти. Куры любят грибы, – хохотал Рудик. – Это тебе крещение.

– Петух нападает на всех новичков, нельзя к нему поворачиваться спиной, – сквозь смех произнёс Арнольд.

Мне было не до смеха, голова болела, из раны сочилась кровь.

Екатерина Васильевна, увидев наш улов, предложила:

– Ребята, зачем вам везти всю рыбу свежей, в такую погоду она долго не сохранится, закоптите часть рыбы.

– Мы её не посолили, чтобы коптить, – сказал Арнольд.

– Это поправимо. Насыпьте под жабры соли, и она просолится во время копчения, соль я вам сейчас принесу, – ответила Екатерина Васильевна.

Невдалеке от домов было место для костра. Рядом стояли два металлических ящика. Я внимательно следил за приготовлениями к копчению. Рудик и Арнольд положили на дно ящика сухие ветки тальника, на вынутые из него металлические сетки рядами уложили окуней, установили сетки в ящик, плотно закрыв его крышкой. Подвесили ящик на кольях и развели под ним костёр.

– Следи за костром, – обратился ко мне Рудик, – как только из-под крышки повалит дым, засекай время. Через двадцать минут рыба будет готова.

Окуни горячего копчения оказались необыкновенно вкусными. Съев по парочке, мы начали собираться домой. Екатерина Васильевна подарила мне корзинку, которая вошла в рюкзак. На дно я положил свежую рыбу, прикрыл её листьями лопуха, на которые аккуратно уложил копчёных окуней.

– Алик, ты уток понесёшь в рюкзаке? – обратился ко мне Арнольд.

– Конечно, а как надо?

– Я всегда вешаю уток на рюкзак – для показухи.

Мы шли по бору, спеша на шестичасовую моторку. Рюкзак приятно давит мои плечи. Если бы он был тяжелее, то и тогда такой груз не был бы в тягость. Каждый думал о своём. Я обдумывал, как буду паять блёсны к следующей поездке, где во дворе разведу костёр. Паяльник придётся попросить у соседа. Представлял, как обрадуются домочадцы, увидев мою добычу, как я буду показывать брату и сестре нехитрый приём снятия чешуи с окуней. По выражению их лица определю: понравилась ли им копчёная рыба.

К дому подходил уже на заходе солнца. Тень от деревьев, растущих вдоль тротуара, пересекала улицу. У дома соседей на лавочке сидели женщины и о чём-то судачили. Приосанившись, поздоровался. Женщины ответили на приветствие, но не обратили внимания на мой рюкзак. Когда я шёл по улицам с Арнольдом и Рудиком, многие встречные оборачивались и восхищались утками на рюкзаках моих приятелей. Решил впредь уток вешать на рюкзак.

3

Во дворе меня встретил Рекс. В знак приветствия вилял хвостом и лизал руки. Около его миски копошились куры, но он никогда не трогал своих кур. Они это понимали и доклёвывали остатки его еды.

Мы жили в небольшом домике на улице Партизанская. У нас была одна большая комната (так мы её называли) с двумя небольшими окнами, выходящими на улицу. Были ещё спальня и кухня. В палисаднике перед окнами росли черёмуха и сирень.

Предчувствуя радостную встречу, я переступил порог. Вся семья была в сборе. Бабушка всплеснула руками и произнесла:

– Слава Богу, наконец вернулся. Я, Бог знает, что передумала.

Мама вторила ей:

– Алик, когда ты будешь учить уроки, скоро уже ночь!

Моё хорошее настроение испортилось, рюкзак показался очень тяжёлым, я снял его и опустил на пол. Брат Гена вмиг оказался рядом и начал развязывать:

– Сейчас посмотрим, что принёс охотник.

Он извлёк из рюкзака трёх уток. Они не произвели впечатления. Когда же он достал корзинку с рыбой, удивлению не было предела. Аромат копчёной рыбы распространился по комнате.

– Копчёная рыба не ловится: он, наверное, купил её, – произнесла сестрёнка Нина.

– Ты сначала попробуй, потом будешь судить: ловится или не ловится, – ответил я, протягивая ей очищенного окуня.

Рыба всем понравилась. У бабушки появилась забота: как сохранить свежую рыбу. В то время холодильников не было. Моё настроение улучшилось, захотелось пить. Подошёл к баку для воды, но он был пустым. Пришлось взять вёдра, талоны на воду и пойти на водокачку в конец квартала. Улица была широкой, и водокачка не мешала проезду редкого транспорта.

Вся домашняя мужская работа у нас была поделена между мной и Геной. Носить воду входило в мои обязанности. В мое отсутствие Гену было трудно заставить сходить за водой. Зимой я чистил проезжую часть дороги против дома, а Гена – тротуар. Я приносил в дом воду, Гена – дрова и уголь. Мне приходилось ходить на базар за продуктами, Гене – в магазин за хлебом. Бабушка говорила, что я умел выбрать мясо не хуже, чем она.

Когда я вернулся с водой, бабушка уже разогрела борщ, налила в большую тарелку и положила маленький кусочек мяса. Основным нашим питанием были овощи из огорода. Огород был большой. Мы выращивали картофель, капусту, морковь, свёклу, лук, горох, фасоль. Мама всегда выкраивала местечко для репы и брюквы. К сожалению, сейчас об этих овощах забыли. Вдоль забора с одной стороны огорода рос паслён. Его ягоды по форме и цвету напоминали чернику, а листья были, как у картошки. Мы с удовольствием ели эти ягоды. Несколько лет назад мне захотелось найти паслён, но он, вероятно, бесследно исчез с территории города.

– Садись, кушай, внучек, наверное, два дня ел всухомятку.

Я рассказал бабушке, какой вкусной ухой угощал нас Кондратий Никифорович.

– Видимо, он очень добрый и любящий детей человек, – произнесла бабушка, – не то, что твой отец: бросил троих детей – и никакой помощи.

Мне этот разговор был неприятен: «Какой я ребёнок, мне уже шестнадцать лет».

На следующий день я шёл в школу с невыученными уроками. Мой путь лежал по улице Ипподромская до остановки трамвая на улице Гоголя. На подошедшем трамвае места на «колбасе» не было. Пришлось дождаться, когда все пассажиры зайдут в вагон, встать на подножку и, держась руками за поручни, ехать «зайцем». Мама давала мне деньги для проезда и на школьные обеды. Я же тратил их на рыболовные снасти и охотничье снаряжение. Просить деньги на эти цели считал недозволенным.

На уроках был невнимателен, мысли часто возвращались к охоте и рыбалке, мечтал о будущей поездке на озеро Кривое. К счастью, в тот день меня не вызвали. Рудика вызвал к доске Иван Григорьевич. Во время перемены я поздоровался с Рудиком за руку, мы перекинулись несколькими фразами и больше не подходили друг к другу, чтобы не афишировать нашу дружбу.

По пятницам был клубный день в коллективе охотников «Спартак». Решались текущие вопросы: о работе секций, о соревнованиях по пулевой и стендовой стрельбе, об испытаниях охотничьих собак, о коллективных выездах на охоту и многие другие. Работала секция «Молодой охотник». С нами проводили беседы, обучали стендовой стрельбе, приглашали на коллективную охоту. Здесь встречались друзья-единомышленники, делились впечатлениями об охоте и рыбалке, договаривались о новых поездках. Я внимательно слушал и запоминал всё услышанное, меня очень волновали рассказы об охоте, хотелось побывать в тех местах, о которых рассказывали охотники. Большинство разговоров сводилось к тому, что скоро пойдёт северная утка, надо вовремя быть в угодьях, чтобы встретить её. Многие легенды пересказывались из года в год. Я их слышал впервые, и они захватывали моё воображение. Один охотник рассказывал:

– Приехал на озеро в октябре, снег идёт, северный ветер камыши к воде клонит. Думаю: «Какая может быть в такую погоду охота?» На всякий случай поставил чучела на воду, забрался в густой камыш, чтобы ветер не сильно продувал, и стал ждать охотничьего счастья. Внезапно над камышом пролетели утки, от неожиданности я не успел выстрелить. Следующая стайка села около чучел. Стаи летели одна за другой. В считанные минуты я расстрелял все патроны.

– У меня был более интересный случай, – перебил его второй охотник, – долго добирался до любимого озера, на котором охочусь много лет, и глазам своим не верю: озеро покрыто гладким, как зеркало, льдом. Настроение испортилось, надо возвращаться домой. Перед возвращением решил полюбоваться на свои новые чучела. Поставил их на лёд, присел на кочку, достал бутерброд и стал жевать. Ружьё в чехле лежит рядом. Неожиданно над озером появилась стая гоголей. Приняв голубой чистый лёд за воду, они сели и покатились по нему, как на коньках, к моим чучелам. Проехав мимо чучел, остановились у кромки берега прямо около моих ног. Я чуть не подавился, бросил бутерброд и стал лихорадочно расстёгивать чехол. Выстрелить я не успел. Вслед за этой стаей подлетали следующие. Некоторые пролетали над чучелами, многие садились на лёд. Такую охоту я видел один раз в жизни и, наверное, больше не увижу, – закончил охотник свой рассказ.

В очередную пятницу я встретил в клубе Кондратия Никифоровича. Он поздоровался со мной как со старым знакомым и продолжал раскладывать на листе ватмана с ярким заголовком «Охотник и Рыболов» листочки с напечатанным текстом. Это были заметки охотников о поездках на охоту и рыбалку. Заметив мой интерес к стенной газете, Кондратий Никифорович спросил:

– Я помню, ты говорил при встрече на озере Кривое, что был на охоте впервые?

– Да, я тогда был первый раз на утиной охоте.

– Напиши в следующий номер газеты заметку о своей первой охоте, о своих впечатлениях, об угодьях.

– Вряд ли у меня получится.

– Пиши, как получится. Я отредактирую.

С тех пор я и мои друзья стали регулярно писать заметки в стенгазету. Заметок было много, и через год было принято решение выпускать вторую стенгазету «Молодой охотник». Меня выбрали редактором. Под руководством Кондратия Никифоровича Урманова я выпускал стенгазету до ухода на службу в армию. Вокруг газеты сплотилось много рябят, мы часто по пять-шесть человек выезжали на рыбалку и охоту. Наша дружба сохранилась на многие годы. Уехав из Новосибирска, я поддерживал связь с председателем коллектива Аркадием Степановичем. Будучи однажды в отпуске, зашёл в клуб охотников и был немало удивлён: мои письма были опубликованы в стенгазетах.

4

Октябрь сорок восьмого года выдался засушливым. Стояла по-осеннему тёплая погода, дул слабый южный ветерок. Тучи словно забыли о небосводе над Новосибирском. Мама радовалась такой погоде: мы успели убрать урожай в огороде. Картошку копали всей семьёй. Мама и я орудовали лопатами, Гена с Ниной и бабушкой выбирали картошку из лунок. Какое-то чувство подсказывало мне, что такая погода скоро закончится, подуют пронизывающие ветра, пойдут холодные дожди – надо успеть съездить на охоту. В клубе охотников перестали появляться опытные охотники: все отправились встречать северную утку. Мои приятели предложили мне поехать на несколько дней на охоту. Арнольд уже определил место охоты: Сорочья грива в угодьях Кудряшовского бора. В прошлом году кто-то видел там массовый пролёт уток.

– А как школа? – удивился я.

– Отпросись на два дня копать картошку, – предложил Рудик.

– Мы картошку уже выкопали.

– Чудак человек, это и хорошо. У нас в школе всегда отпускают на день-два копать картошку. Я уже отпросился.

В четверг мы вновь на моторке, как всегда сидим на дровах на корме. С нами две собаки: лайка Арнольда и пойнтер Рудольфа, с которым его отец охотился на дупелей и тетеревов. На душе приятное беспокойство: только бы не опоздать. Сбылись мои мечты – мы будем на охоте целых четыре дня. Арнольд, как старший по возрасту и самый опытный, стал давать советы:

– Когда приплывём на место, первым делом построим шалаш на случай непогоды, наловим рыбы для себя и собак. Уток будем стрелять в общий котёл, битых не торопитесь собирать, чтобы не терять время. Собаки помогут найти всех уток.

– Рано мы едем, – засомневался Рудик, – дует южный ветер, утки отправляются в перелёт с попутным ветром.

– Дома погоду не выбирают, она может испортиться в любой момент, – уверенно ответил Арнольд.

Для меня их разговор был открытием. Я молчал и запоминал всё сказанное: в жизни может пригодиться. Позже я узнал, что отец Рудика, Аркадий Семёнович,

был заядлым охотником, иногда брал сына на охоту, и он от него узнал много премудростей, которые мне ещё предстояло усвоить.

Мы плывём по озеру Кривое, которое вытянуто с юга на север. Его высокие берега мешали осматривать окрестность. Постоянно слежу за плывущими впереди меня лодками, стараюсь не отстать от них. На носу лодки лежит тощий рюкзак с продуктами и патронами, на нём старая ватная фуфайка с заплатами и дырами, на ней ружьё, направленное стволом вперёд и вверх. Оно готово для стрельбы в любой момент, если налетят утки. Пойма шириной около пяти километров. Когда-то по этой низине проходило русло Оби. Переместившись в восточном направлении, Обь оставила старицу с богатейшими угодьями для охоты и рыбалки. Справа видны вершины соснового бора; слева, вдали на возвышенности, еле заметны домики деревень Криводановка и Крохалёвка. Проплываем первые и вторые ворота. От непривычки сидеть в узком обласке с поджатыми ногами ноет спина, руки устали от монотонной гребли одним веслом. Постоянно надо следить за равновесием, чтобы лодка не перевернулась. Наконец мои приятели направили лодки к берегу, и мы вышли на песчаную косу. Здесь через высокую гриву, заросшую густым тальником, была прорублена узкая просека для перетаскивания лодок в озеро Подстанки. Я чувствовал себя человеком, впервые проскакавшим немало вёрст верхом на лошади без седла. Такое «удовольствие» я имел в детстве, когда с друзьями гонял лошадей на водопой. Осматриваясь, чтобы запомнить место, увидел вдали село. Ребята сказали, что оно называется Катково. Около села, против нас, был виден колок высоких тополей, на которых было множество грачиных гнёзд.

Сорочьей гривой оказался остров среди бескрайних водных просторов, заросших тальником и камышом. Рядом находились озёра Карасёвое, Линево и Подстанки. На востоке просматривался сосновый бор. На западе тянулась согра, залитая водой, со множеством плёсов. Деревья и кустарники давно сбросили листья, тёмно-серые и унылые, они приготовились к встрече холодов. Только камыши и заросли аира у кромки воды оставались зелёными и радовали душу. На гриву до войны приплывали на лодках косить сено, вывозили его зимой на лошадях по замёрзшим озёрам.

Я чувствовал себя путешественником, попавшим на необитаемый остров, где мне предстояло провести три дня, питаясь добытыми утками и рыбой. Солнце клонилось к закату, мы разгрузили лодки, оборудовали ночлег и место для костра, заготовили сухих дров и поплыли добывать окуней. Собаки носились друг за другом, разминаясь после долгого сидения в обласках.

Мы рыбачили до сумерек, сменили несколько мест, но поклёвок не было. Я постоянно смотрел по сторонам в надежде увидеть летящую утку, на дне лодки лежало приготовленное ружьё, но уток не было.

За чаепитием у костра мы решили все продукты сложить в одну корзину и распределить так, чтобы хватило на три дня.

Пятница прошла в попытках наловить окуней. Погода стояла тёплая, солнечная. Надо бы радоваться такой погоде, а нам хотелось, чтобы она испортилась. Я снял с себя видавшую виды фуфайку и подложил в лодке под себя. Мне надоело бесполезное дёрганье подергушкой, и я предложил:

– Может, нам сплавать на озеро Линёво или Карасёвое?

– Там водятся только лини и караси, – ответил Арнольд, – их на подергушку не поймаешь.

В субботу утром мы пошли в согру постоять у воды в надежде на успех. Мне повезло: я добыл выплывшего на плёс из камыша чирка. Он был подранком и не смог улететь на юг с собратьями. Арнольд сбил пролетающую над ним ворону. Когда вернулись в лагерь, я спросил его:

– Зачем ты сбил ворону?

– Собакам скормим.

Он подозвал к себе собак, дал понюхать ворону и бросил под ноги. Собаки, не взглянув на ворону, отошли в сторону, всем видом показывая, что такая еда не для них. Разжигая костёр, я услышал доносившуюся из шалаша ругань Рудольфа. Оказалось, в наше отсутствие собаки съели все наши продукты, оставили только картошку, лук и соль. Мы приуныли. Решили сегодня обойтись картошкой, а завтра перед дальней дорогой сварить чирка и ворону. У меня в душе теплилась надежда, что вечером или утром полетят утки. Утро надежды не оправдало. Погода не изменилась. Арнольд и Рудик принялись ощипывать нашу небогатую добычу. Я вызвался сплавать к бору и поискать грибы. Каждая собака занималась своим делом. Пойнтер стоял перед Рудиком и жалобно канючил еды. Его бока подвело. Возможно, в силу своего благородного происхождения, он не участвовал в воровстве наших продуктов. Лайка была упитанной: она успешно охотилась на водяных крыс. На гриве водилось их множество. За охотой лайки было интересно наблюдать. Опустив голову к траве, она быстро шла по следу, затем поднималась на задние лапы, делала бросок в сухую траву, и в её пасти оказывалась крыса. Насытившись, она принесла задавленную крысу и положила перед Арнольдом, словно издеваясь: «ешь, она вкуснее, чем твоя ворона».

В бору мне попадались только маслята, они были крупные и червивые. Когда я привёз грибы, «дичь» была уже ощипана, опалена на костре, вымыта и мелко изрублена, чтобы было труднее отличить чирка от вороны.

– Как успехи? – спросил Арнольд.

– Грибы есть, но червивые.

– Это прекрасно, – отозвался Рудик, – черви тоже мясо.

В котёл, кроме чирка и вороны, мы добавили мелко изрезанные грибы, три небольшие картошки и лук. У костра орудовал Рудик: он любил готовить. Еда получилась вполне съедобной. Каждый, доставая ложкой кусочек мяса, произносил: «Мне достался кусок чирка». Мясо вороны было жёсткое. Мне в войну пришлось перепробовать разных птиц. Попадались птицы с мясом более грубым. Варево мы «прибрали» без остатка, так как в предыдущий день жили впроголодь. Хорошо подкрепившись, тронулись в обратный путь без сожаления и огорчения за неудавшуюся охоту. Новые впечатления и приключения с лихвой восполнили несостоявшуюся охоту на северную утку.

В дальнейшем я неоднократно удачно охотился на Сорочьей гриве. А вот северной утки ни разу не встретил.

5

Весеннее солнце радостно заглядывало в окна класса, на улице шалила весна, как девушка, манила она за собой вслед ручьям, убегающим к Оби. Мне хотелось пойти на высокий берег Оби, посмотреть, не начался ли ледоход, не возвращаются ли с юга в родные места перелётные птицы. Постепенно мои мысли переключились на воспоминание о моей первой охоте на зайцев.

Пока мои мысли парили в небесах, Ольга Николаевна проводила классный час. Она беседовала с каждым учеником о выборе профессии. Я давно задумывался о своём будущем. Мне хотелось учиться в Московском пушно-меховом институте, на факультете охотоведения. Окончив этот институт, я смог бы совмещать свою страсть к охоте с выбранной профессией. Вместе с этим я понимал, что могу не получить стипендию, а мама не могла помогать. Мне даже было стыдно просить у неё денег на дорогу. Вторым приемлемым для меня вариантом был Новосибирский институт военных инженеров транспорта. В этом институте студентам выдавали форму, кормили. Стипендия была самой высокой среди всех институтов города. Поступив в него, я мог бы вносить приличную лепту в бюджет семьи. Конкурс в НИВИТ был очень большой, и я был уверен, что не выдержу. Во время войны, когда мы жили у Чёрного моря в Анапе, я мечтал стать военным моряком. Этой мечте, как зерну, брошенному ранней весной в почву, требовалось время, чтобы прорасти. Обсуждать её было преждевременно. Других вариантов пока у меня не было. Прислушиваясь к рассказам одноклассников, я понял, что некоторые ребята фантазируют, пытаясь показать себя с хорошей стороны. Я считал, что заветную мечту нельзя выносить на всеобщее обсуждение, её надо хранить втайне, пока она не сбудется. Когда подошла моя очередь, Ольга Николаевна спросила:

– Кайков, ты куда собираешься пойти учиться?

– В Духовную семинарию, – неожиданно для самого себя ответил я.

Весь класс повернулся в мою сторону. На меня смотрели, как на какое-то чудо, как на человека с другой планеты. Ольга Николаевна остолбенела, её глаза расширились, она в упор смотрела на меня. За долгую педагогическую практику ей не приходилось слышать такого необыкновенного ответа. После длительной паузы она произнесла:

– У тебя в роду были священники?

– Не было.

– Тогда в чём дело? Ты же комсомолец!

От дальнейшего разговора меня спас звонок. На следующий день меня в коридоре встретил секретарь комсомольской организации школы и сказал:

– Мы тебя приглашаем на комитет комсомола.

– Бить будете?

– Бить не будем, но мозги прочистим.

– Я пошутил с учёбой в семинарии.

Мы оба рассмеялись.

Однажды в воскресенье в нашей хибаре появилась Ольга Николаевна. Вся семья была в сборе, и на неё устремились взоры пяти пар глаз. Она поздоровалась и, обращаясь к маме, сказала:

– Я классный руководитель вашего старшего сына. Меня зовут Ольгой Николаевной, скоро экзамены, я пришла с вами познакомиться и побеседовать.

– Здравствуйте, – ответила мама, – очень приятно. Меня зовут Марией Алексеевной. Я с вами давно заочно знакома по рассказам сына. Сожалею, что сама не могла прийти раньше в школу. Вы видите, какая у меня семья, приходится ежедневно задерживаться на дополнительную работу.

Я позвал Гену, и мы вышли во двор, чтобы не мешать разговору взрослых. Мама за весь год ни разу не была на родительских собраниях. Она работала секретарём-машинисткой и постоянно печатала срочную работу для других отделов. За меня она не беспокоилась, полностью мне доверяя. Часть разговора, состоявшегося в мое отсутствие, воспроизвожу по рассказу бабушки.

– Ваш сын по учёбе считается середнячком, хотя мог бы учиться лучше. Меня беспокоит, что у него в классе нет друзей. Складывается впечатление, что он замкнутый, необщительный мальчик, – начала разговор Ольга Николаевна.

– Не может быть! – изумилась мама, – у него прекрасные друзья: Рудик Рябышев, Алик Атавин. Они бывают у нас, я о них очень хорошего мнения.

– Разве можно с ними дружить? Как это я просмотрела! Они же охотники! – с удивлением воскликнула Ольга Николаевна.

– Разве зазорно увлекаться охотой и рыбалкой? В моей семье добытая Аликом рыба – хорошая прибавка к нашему небогатому столу.

Мои опасения, что ко мне прилипнет клеймо охотника, не оправдались. Ольга Николаевна о своём открытии никому не рассказала. Ко мне стала относиться с какой-то уважительной теплотой.

Приближались экзамены. Поездки на рыбалку прекратились. Я усиленно повторял пройденный материал. У меня был стимул: если успешно сдам все экзамены (не останется предметов на осень), смогу всё лето заниматься любимым делом и помогать своей семье. Иногда во время чтения книги в памяти возникали воспоминания об охоте или рыбалке. Приходилось усилием воли отгонять эти мысли и повторять про себя: надо сдать экзамены, чтобы рыбачить не в мечтах, а наяву.

Город моего детства

Многие годы я мечтал побывать в городе моего детства, увидеть, какие произошли изменения на месте развалин, оставленных войной. После ввода в эксплуатацию Крымского моста это желание многократно усилилось.

До Великой Отечественной войны моя семья проживала на берегу Чёрного моря в городе Анапа. Это был небольшой уютный городок с населением менее двадцати тысяч человек, с прямоугольной сеткой улиц. Стоя в начале улицы, можно было видеть её всю до конца. В городе работало четырнадцать санаториев и больше десяти пионерских лагерей.

Центральную старую часть города отделял от частной застройки широкий Турецкий ров, за которым когда-то находилась крепость. От крепости сохрани-

лись массивные каменные ворота, около которых стояли пушки времен первой русско-турецкой войны.

В трудах греческих учёных упоминается о существовании поселения за несколько веков до рождества Христова. В четырнадцатом веке генуэзцы построили на мысу прочное укрепление. Существует множество вариантов перевода слова «Анапа». В древнегреческой «Аргонавтике» слово «Анапа» упоминается как происходящее от слова «Высокий мыс» – «Анна-па».

Наш небольшой саманный домик стоял на улице Черноморская около Морской школы, за которой тянулся пустырь до аэродрома с грунтовой взлетной полосой. Частные домики утопали в зелени фруктовых садов. Только на центральной улице Пушкина возвышались двухэтажные каменные дома, а вдоль морского побережья стояли красивые здания санаториев.

Дороги в центре покрывал асфальт, на Черноморской улице была булыжная мостовая, а остальные дороги оставались грунтовыми. Под южным солнцем пыль на улицах нагревалась, и ходить по ним босиком доставляло удовольствие.

Общественный транспорт по городу не ходил. В нём не было необходимости: Любой уголок города был в пешеходной доступности.

Довоенные годы были самыми счастливыми в моей жизни. Закончив первый класс школы, мы с друзьями целые дни проводили на море. Купались, рыбачили, ловили крабов и креветок.

Началась война. Отец ушёл на фронт, мама осталась с тремя детьми и бабушкой на оккупированной территории. Мне, как старшему из детей, пришлось часть мужской работы взять на себя.

Немцы с первых дней войны по ночам бомбили город, разрушая общественные здания и жилые дома. В 1942 году в Анапу вошли немецкие войска. Начался самый тяжёлый, незабываемый, период моего детства. Из памяти не стираются облавы, расстрелы, угон трудоспособных жителей в Германию. Через год, отступая, фашисты взорвали все каменные дома. Они не щадили жителей: за полчаса люди должны были собраться и покинуть свои жилища. Подрывали дома на перекрестках улиц, чтобы затруднить продвижение нашей технике. На перекрёстке улиц Черноморская и Гоголя сохранился только наш дом, поскольку он был саманным и находился глубоко в саду.

Через несколько дней после изгнания фашистов из города мы с ребятами отправились на рыбалку. На центральной улице имени Пушкина не осталось ни одного уцелевшего здания. Нам пришлось преодолевать улицу, перебираясь через развалины зданий. Вот такой мне запомнилась послевоенная Анапа.

Спустя семьдесят лет я летел в город своего детства. Самолёт, сделав разворот, пошёл на посадку. Меня охватило волнение. Прижавшись к стеклу иллюминатора, хотел увидеть знакомую местность, но самолёт приземлился в новом аэропорту, построенном далеко от города. На такси доехал до автовокзала. Вокруг стояли современные здания. Раньше здесь была окраина города, за которой тянулись до поселка Витязево Кубанские степи. Мне захотелось пройти пешком и вновь познакомиться с городом. В моей памяти сохранились названия улиц, и я шёл в нужном направлении в сторону маяка на высоком мысу, около которого находился мой санаторий. На улице Пушкина стояли красивые здания, многие

выше десяти этажей. До войны каменные здания выше двух этажей не строили. Местность относится к району с высокой сейсмичностью.

Мне не терпелось пойти в сквер, в котором я был при перезахоронении партизан, погибших партизан, и найти на обелиске фамилию отца моёго друга Жени. Когда среди погибших назвали имя его отца. Он плакал и дрожал, у меня давно катились слёзы.

И вот я в центральном сквере. На месте скромного обелиска воздвигнут памятник с Вечным огнем. На гранитных плитах высечены имена всех погибших в Великую Отечественную Войну. С тяжёлым чувством на душе и с непокрытой головой уходил я из сквера.

На следующий день отправился разыскивать дом, в котором жил в военные годы. Улица Черноморская преобразилась, словно помолодела. По обе стороны стояли новые частные и общественные здания. От прежне застройки остался только восстановленный винный завод. Пересекая улицу Крепостная, остановился. Передо мной простирался широкий парк. Здесь раньше проходил широкий турецкий ров, разделяющий старый и новый город. В пятидесятые годы прошлого века его засыпали.

За высоким забором стоял сохранившийся в прежнем виде мой дом. Хозяев не оказалось. Постучал в ворота соседей. Меня встретила молодая женщина. Она оказалась дочерью моёго приятеля Гены Старжинского. За чашкой чая мы беседовали больше часа, вспоминая далёкое прошлое, дорогое и милое нашим сердцам. Она не знала своего деда. Так как родилась после войны. По возрасту его не призвали в Армию. Немцы несколько раз предлагали дяде Косте стать полицейским, но он всегда отказывался, ссылаясь на трёхлетнее образование. После очередной облавы его вместе с другими жителями Анапы увезли в Германию работать на предприятиях. В конце разговора она предложила:

– Хотите посмотреть свой дом?

– Конечно, хочу.

И вот я во дворе, взглянуть на который мечтал многие годы. Домик прежний. Только крыша покрыта металлом вместо черепицы. Сарай приспособлен под жильё для хозяев, а дом сдаётся отдыхающим. От большого сада не осталось ни одного дерева. На его месте строится дом.

На третий день я отправился с экскурсией по Крымскому мосту в Керчь. Дорога тянулась вдоль песчаной косы в сторону посёлка Витязево. По обе стороны возвышались корпуса санаториев и домов отдыха. Дальше дорога шла мимо полей и виноградников. Подъезжая к Крымскому мосту, я приготовил фотоаппарат, но сделать снимков моста не удалось. Впереди видна только дорога. Остановки у моста и на нём запрещены. У меня остались лучшие впечатления о мосте по снимкам в интернете, сделанным с вертолёта и моря. В Керчи, проехав по улицам, автобус поднялся на гору Митридат. Название она получила в честь царя понтийского Митридата. Здесь располагался античный город Пантикапей – столица Босфорского царства. С вершины горы Крымский мост и вся Керчь – как на ладони.

Купаясь на пляжах, гуляя по скверам и улицам под палящим южным солнцем, я видел чистый, спокойный город, без сутолоки и шума машин.

Улетал я из курортного города Анапа – города моего детства, с чувством выполненного долга, лёгкой грустью и надеждой ещё в нём побывать.

СОДЕРЖАНИЕ

Потерянное детство

От автора

Раннее детство

Ветли мотли пли
Бабушка Надежда Яковлевна
Дедушка Федор
Брат Гена
Наше хозяйство
Рыбалка
Наши развлечения
Лыжи
Мои родители
Аресты

Тревожное детство

Анапа
Первые знакомства
Учусь плавать
Мороженое
Война
Варваровка
Оккупация
Возвращение в Анапу
Зверства фашистов
Листовка
Бесчинства фашистов
Лена
Ночь перед освобождением
Освобождение
Ослик
Кузьмич
Последний год войны
Огорчение
Торпеда
Юные минеры
Трагедия Жинды
Рыбалка с жадным стариком

Настоящие рыбаки
Сажа, мыло и вода
Приемщик металлолома
Ромашки и добрая женщина
Малограмотный начальник
Чувяки
Лобань
Охота на уток
Митинг

Восьмиклассники
Город моего детства

Кайков Альберт Сергеевич

Потерянное детство
Биографическая повесть

Технический редактор –
Корректор –
Художник – Замерец Е. В.
Компьютерная верстка –
Дизайн обложки – Мыслин О.Г.